

История
Общество
Политика
2025
№3(35)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 3(35)
2025

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2025. №3 (35)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 30.09.2025

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Л.В. Ланник - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Л. Черноперов - доктор исторических наук, доцент, профессор Ивановского государственного университета;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2025
© Коллектив авторов, 2025

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

**N 3 (35)
2025**

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2025. №3 (35)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 30/09/2025

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

L.V. Lannik - doctor of historical sciences, Leading Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of general history and international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.L. Chernoperov - doctor of historical sciences, associate professor, professor, Ivanovo State University;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2025

© Authors, 2025

Содержание

МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИМПЕРИИ ЭПОХИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ», ПРОВЕДЕННОЙ В «БРЯНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО»

28 МАРТА 2025 г.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

- Жигунова И. И.* Ирокезская лига в колониальной политике Франции в первой четверти XVIII в. **6**
- Федин А. В.* От «плоти-деликатеса» к «хлебу благословенному»: индейский каннибализм в иезуитском миссионерском дискурсе в Новой Франции XVII-XVIII вв. **13**
- Фельдман А. Д.* Роль консервативной прессы в формировании образа Британской империи во время Второй англо-бурской войны (1899-1902 гг.) **20**
- Фельдман П. В.* Позиция правительства США в британо-венесуэльском кризисе 1895-1896 гг. **24**
- Уваров Г. В.* Влияние советско-германского Договора о ненападении на дальнейшее развитие германо-японских противоречий **29**

КОЛОНИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ

- Гришин Н. О.* Подмандатная Палестина в ближневосточной политике США и Великобритании первой половины 1920-х гг. **37**
- Ходнев А. С.* Колониальные проблемы и Лига Наций в эпоху Интербеллума: старые привычки и достижения международной организации **43**

ИДЕЯ ИМПЕРИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

- Артамошин С. В.* Размышления О. Шпенглера о будущей Германской империи **53**
- Прилуцкий В. В.* Концепция «Америка – Анти-Империя» в книге А.Г. Дугина «Бытие и Империя. Онтология и эсхатология Вселенского Царства» **57**

- О сетевом издании «История. Общество. Политика» **66****

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

УДК 94

И. И. Жигунова

ИРОКЕЗСКАЯ ЛИГА В КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ФРАНЦИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Аннотация: Статья посвящена анализу колониальной политики Франции в Северной Америке в первой четверти XVIII в. Важным её аспектом являлись взаимоотношения с коренным населением, в частности, с Союзом ирокезских племен, который являлся ключевым актором в регионе. Осуществление колониальной политики предполагало поддержание мира с индейскими племенами и нейтрализацию угрозы со стороны ирокезов. Как Франция, так и Англия стремились к доминированию в Северной Америке, в результате чего местное население, понимая всю важность противостояния европейских держав, могло проводить политику лавирования для получения максимальных выгод для себя.

Ключевые слова: Новая Франция, генерал-губернатор, Ирокезская лига, колониальное противостояние, политика нейтралитета

Zhigunova I.I. The Iroquois League in French colonial politics in the first quarter of the 18th century

Abstract: The article is devoted to the analysis of France's colonial policy in North America in the first quarter of the 18th century. An important aspect of it was the relationship with the local population, in particular, with the Union of the Iroquois Tribes, which was a key actor in the region. The implementation of the colonial policy involved maintaining peace with the Indian tribes and neutralizing the threat from the Iroquois. Both France and Britain sought to dominate North America, as a result of which the local population, realizing the importance of the confrontation between the European powers, could pursue a policy of maneuvering to maximize benefits for themselves.

Keywords: New France, Governor-General, Iroquois League, colonial confrontation, policy of neutrality

Союз ирокезов – группа пяти (мохоки, онейда, кайюга, онондага, сенека,) а позже – шести (с 1714 г. тускарора) племен, территориально расположенных к югу от озера Онтарио в районе, ограниченном рекой Дженеси на западе и рекой Мохок на востоке, то есть фактически проживавших на границе современных США и Канады.

Как для английской короны, так и для французов, к началу XVII века заморские земли имели особое значение. «Правила игры» для Нового Света вырабатывались по мере развития экспансии двух держав и нарастания межколониального соперничества. И одной из позиций противостояния двух держав в Северной Америке являлся вопрос, касающийся Ирокезской лиги.

Союз ирокезов предположительно сложился около 1570 г. Это объединение племен в конфедерацию произошло ещё до контакта с европейцами. Племена сумели уладить разногласия, которые привели к войне между ними, и создали Мирную лигу. В 1714 г. к союзу было допущено племя Тускарора, которое было изгнано из Северной Каролины, и таким образом Ирокезы стали союзом «шести наций».

Ирокезам отводится самое высокое положение среди племен континента, находившихся на охотничьей стадии, ввиду того, что в своем развитии они достигли наивысшей точки среди индейцев. К тому же, вступив во взаимодействие с французами, голландцами и англичанами, Лига проявляла себя как субъект международных отношений, отстаивая свою независимость на дипломатическом и военном уровнях [2, с. 35-36].

Лига создавалась, основываясь на принципах семейного родства. Несколько ирокезских наций, объединившись, составляли одну семью, обитавшую вместе в одном «Длинном доме» (Ходеносауни – люди длинного дома). Семейные связи пронизывали всё устройство ирокезской Лиги: от индивидуумов до племен, от племен до наций, от наций до самой Лиги, таким образом образуя неделимое братство. В тоже время важной чертой Лиги, как политического организма, была независимость отдельных наций. Центральным элементом культуры и правления ирокезов была их клановая система. Управляли конфедерацией сахемы, имевшие высшую власть в Конфедерации. Решение по каждому вынесенному на обсуждение в общий совет вопросу должно было быть принято единогласно. Единогласие – основное законодательное положение Лиги.

Так же внутри лиги существовала выборная должность вождя. Если территория была разделена на 50 сахемств, то количество вождей никак не регламентировалось. Стоит отметить, что права и обязанности сахемов и вождей касались мирной гражданской жизни. Для ведение тех или иных военных действий выбирался, как правило, с опорой на прошлые заслуги, военный предводитель [2, с. 61].

Простая по своей структуре, основанная на семейном родстве Ирокезская Лига быстро распространила своё влияние на местное население. Фактически, Ирокезы выросли в многолюдную мощную конфедерацию и быстро шли к главенству над всей северо-восточной частью континента. Существование на континенте ряда отдельных разрозненных независимых племен, давало возможность конфедерации Ирокезов легко подчинить их, и к началу XVIII века Ирокезы покорили и держали в номинальном подчинении все главные индейские нации.

К концу XVII в. английские колониальные владения протянулись вдоль атлантического побережья на тысячи километров. К началу XVIII столетия англичане сумели колонизовать северо-восточное побережье от острова Ньюфаундленд на севере до полуострова Флорида на юге.

Французы сумели захватить долину реки Св. Лаврентия, бассейн Великих американских озер, а также бассейн реки Миссисипи. Французские колониальные владения как бы дугой охватывали британские колонии, расположенные вдоль побережья Атлантического океана. Такое расположение давало огромное преимущество французам [1, с. 51]. Они препятствовали продвижению англичан во внутренние районы Северной Америки. Великобритании же оставалось либо уступить французам первенство в колониальном освоении просторов Северной Америки, либо добиваться изменения в свою пользу сложившегося положения.

Территория ирокезов находилась на пересечении важнейших путей во всех направлениях. Эта выгодная позиция делала Лигу важнейшим субъектом сложных этнорасовых отношений на североамериканском континенте на протяжении XVII-XVIII вв., прежде всего, в отношениях между английскими и французскими колониями, и их индейскими союзниками.

С голландцами, а позже и англичанами, которым «перешли» голландские владения на Гудзоне, Лига поддерживала дружественные, торговые отношения. Речь в первую очередь идёт о доходной для иностранцев торговле мехом, который обменивался Ирокезами на огнестрельное оружие европейцев. Каждый новый английский губернатор извещал сахемов Лиги о вступлении в должность, сопровождая встречи подарками. Таким образом, между европейцами и ирокезами существовала «договорная» цепь.

Вторая половина XVII века на Североамериканском континенте ознаменована эпохой Бобровых войн. И если формально это были войны ради бобрового меха, то оборотной их стороной было противостояние французов и англичан за господство на континенте. Чаша весов по отношению к обеим державам находилась примерно в равновесии, и потому поддержка любой из сторон Конфедерацией Ирокезов дала бы явное преимущество в достижении первенства на континенте.

К тому же, война за Пфальцское наследство (война между Францией и Аугсбургской лигой в 1688-1697 гг.) затронула не только европейские страны, но и в Северную Америку, где локальный конфликт был назван английскими колонистами войной короля Вильгельма. Окончание войны существенно не изменило расстановку сил в Северной Америке. Однако Лиге, которая напрямую была втянута в военные действия, был нанесен существенный урон. За годы войны, по ряду причин, произошло охлаждение во взаимоотношениях Ирокезов и Англии, на Совете Лиги даже обсуждалась возможность заключения мира с Францией.

Стоит отметить, что и сами ирокезы прекрасно понимали свою роль в борьбе европейских наций за господство. Сознавая, что независимость и благосостояние их народа зависит от результатов борьбы между англичанами и французами и от равновесия между теми и другими, ирокезы опасались того, что Франция и Англия или придут к соглашению о разделе между собой страны ирокезов и уничтожат их, или одна из этих двух держав станет настолько сильнее другой, что Лига потеряет своё значение. Понимая своё положение «буфера» между французскими и английскими владениями, они надеялись извлечь наибольшую выгоду из лавирования между колониальными державами, дипломатической игры их соперничества.

В Монреале 4 августа 1701 года [4, р. 722] в присутствии губернатора и всех высших чиновников Новой Франции 38 вождей поставили свои тотемные знаки под текстом договора, в котором провозглашалось установление всеобщего мира, хранителями которого и арбитрами в межплеменных конфликтах становились французы. При этом ирокезы брали на себя особое обязательство соблюдать нейтралитет в случае войны между англичанами и французами.

Но несмотря на все усилия французов, из-за связи (посредством торговых отношений) ирокезов с англичанами их «нейтралитет» в конечном счете оказался проанглийским. Не прошло и года после заключения Великого мира 1701 г., как разгорелась новая общеевропейская война, которая в очередной раз разрушила хрупкий мир на Североамериканском континенте.

Очередное столкновение Великобритании и Франции в Северной Америке было лишь вопросом времени. Об этом говорит тот факт, что все вооруженные конфликты, имевшие место между Францией и Англией в конце XVII — первой половине XVIII в., включая войны за испанское и австрийское наследство, сопровождались яростными столкновениями в колониях. «Если война будет объявлена между Францией и Англией, то между двумя коронами не будет нейтралитета в Северной Америке...» - прямо указано во французских проектах относительно Новой Англии [4, р. 725].

Так в 1709-1713 гг. развернулся очередной англо-французский конфликт, вошедший в историю как «война королевы Анны», большинство племен Ирокезской лиги (мохоки, онейда, кайюга и онондага) вновь приняли в нем участие на стороне англичан [10, р. 197-202]. Две подготавливавшиеся англичанами экспедициями в Канаду, в 1709 и 1711 гг., при деятельнейшей поддержке ирокезов, тем не менее, потерпели фиаско [5, р. 193; 7, р. 441-456]. Это вновь поставило Лигу перед необходимостью восстановить отношения с Квебеком и вернуться к политике нейтралитета. В 1714 г. нейтралитет и мирные отношения с Новой Францией были официально подтверждены ирокезской делегацией на совете с генерал-губернатором Водрёем [3, р. 300]. Они заверили Водрёя, что никогда не имели намерений совершить нападение на Канаду. Просто они объединились с англичанами, чтобы получить от них подарки. Хотя

генерал-губернатор понимал, что в этом объяснении мало правды, для поддержания ирокезского нейтралитета, он притворился, что удовлетворен им [16, pp. 20v - 21].

Утрехтский мир 1713 г., завершивший англо-французскую войну, явился, в значительной степени, поворотным моментом в истории европейского колониального противостояния в Северной Америке: с одной стороны, он положил начало долгому периоду мирных отношений между английскими и французскими колониями; с другой, стал временем подготовки к решающему столкновению метрополий за гегемонию на континенте. В течение этой эпохи (1713-1744 гг.) шла интенсивная дипломатическая деятельность на всех уровнях, направленная на формирование новых и укрепление старых коалиций, в том числе, в отношении крупнейшего военно-политического игрока на Северо-Востоке Америки – Ирокезской лиги. Для обеих сторон казалось очевидным: от того, как поведет себя эта индейская конфедерация в будущем конфликте, во многом зависит его исход.

Условия Утрехтского договора сделали земли вдоль границы с Новой Англией уязвимыми для английской экспансии. Акадия, весь Ньюфаундленд и Гудзонов залив стали британскими владениями; протекторат, установленный над Пятью нациями, обеспечил Нью-Йорку путь в район Великих озер; неопределенные границы между Канадой и Акадией дали Новой Англии возможность расширяться по направлению реки Святого Лаврентия.

Утрехтский договор в отношении ирокезов, в целом, был в пользу Англии, по сути, признав их подданными этой державы: ст. XV гласила: «Подданные Франции, населяющие Канаду, и другие страны в будущем не будут чинить препятствий или притеснений Пяти нациям или кантонам индейцев, находящимся под владычеством Великобритании, ни другим коренным жителям Америки, которые находятся с ними в дружественном союзе.

Подобным же образом подданные Великобритании будут вести себя миролюбиво по отношению к американцам, которые являются подданными или друзьями Франции, и они будут пользоваться, с обеих сторон, полной свободой обращения в целях торговли.

Также уроженцы этих стран могут с равной свободой обращаться, по своему усмотрению, к британским и французским колониям для содействия торговле с одной и другой стороны, без каких-либо притеснений или препятствий со стороны британских или французских подданных; но кто является и кто должен считаться подданными и друзьями Британии или Франции - это вопрос должно точно и внятно урегулировать Уполномоченным» [10, p. 223].

Внезапный рост английского заморского могущества вызвал тревогу и беспокойство при французском дворе. Генерал губернатор Новой Франции Ф. Водрёй, с целью недопущения распространения английского влияния вглубь континента, предложил программу, состоящую из двух основных пунктов.

В первую очередь население колонии должно быть увеличено с помощью крупномасштабного гражданского и военного иммиграционного движения. Он был уверен, что британцы в конечном итоге возобновят свои попытки завоевать Новую Францию, и в этом случае потребуются гораздо большее население, чтобы противостоять нападению.

Во-вторых, союзы с индейцами должны быть укреплены путем восстановления 25 лицензий на торговлю мехами, увеличения фонда подарков, легализации ограниченной торговли спиртными напитками и предоставления губернатору полномочий устанавливать любые должности, которые он сочтет необходимыми на западе.

Эти меры не только позволили бы французской колонии защитить свои границы и внутренние районы от английского давления, но и позволили бы ей реорганизовать свою меховую торговую империю, шаг, который стал необходимым в связи с долгожданным восстановлением бобровой торговли в 1716 году.

Добро на реализацию данной программы было дано с условием: поскольку Франция и Великобритания недавно стали союзниками, нужно стремиться поддерживать дружеские отношения с английскими колониями [14, р. 24v].

Англичане не преминули воспользоваться открывшимися возможностями для того, чтобы расширить объемы индейской торговли. В течение всего периода 1713-1744 гг. из Нью-Йорка шел поток рома и бренди, превосходных английских шерстяных тканей, изделий из металла, что дополнялось более низкими ценами и простой системой градации мехов, постепенно переориентируя западных поставщиков меха от Монреаля к Олбани.

С помощью сети опорных постов, созданной в 1717-1720 годах, Канада смогла утвердить свою власть на Западе и уравновесить растущее английское господство. Ситуация не была безупречной, особенно вдоль озера Онтарио, но в целом она была временно под контролем. С другой стороны, на восточной границе, где неопределенные границы серьезно ослабили позиции Канады, перспективы были мрачными. Новая Англия была полна решимости воспользоваться ситуацией, созданной Утрехтским договором, распространив свою власть на земли абенаки. Французы, по уже упомянутым причинам, должны были предвидеть такое развитие событий, но сдерживать новоангличан, ведя с ними войну, как это делалось с 1703 по 1713 год, было уже невозможно. Как только был заключен мир, было необходимо поддерживать дружеские отношения с соседями [6, р. 322].

В результате, к середине 20-х гг. французская торговля переживала глубокий кризис, и строительство английского поста на Осуиго грозило этот кризис сделать фатальным для Новой Франции [9, р. 164; 17, р. 122].

Весной 1720 года французы начали строительство трех опорных пунктов на спорных территориях. Главный из них выходил на Ниагарский волок, маршрут, которым пользовались почти все индейцы с юго-запада, когда они направлялись в Канаду или Нью-Йорк. Два других были расположены в Торонто и Квинте. Это был разумный стратегический ход, поскольку он поставил французов в положение, при котором они могли перехватить индейцев до того, как они достигнут нью-йоркских поселений. Но это была также опасная процедура, поскольку новые торговые посты были расположены на охотничьих угодьях ирокезов, на которые англичане могли распространить свою протекцию в соответствии со статьей 15 Утрехтского договора.

Однако Водрёй знал, что Нью-Йорк не сможет обеспечить соблюдение этого пункта без поддержки ирокезов. По этой причине его агент, Луи-Томас Шабер де Жонкер, позаботился о том, чтобы заручиться согласием Лиги, прежде чем приступить к строительству трех опорных пунктов [13, pp. 167v-168; 12, pp. 328 - 328v]. Ирокезы приняли такое решение прекрасно осознавая свою значимость в регионе. Они не хотели усиление какой-либо из держав, потому действовали весьма предусмотрительно.

Тем временем ситуация на озере Онтарио стала критической. Желание западных индейцев торговать английскими товарами было настолько велико, что они просто избегали постов, недавно построенных французами, и продолжали вывозить большую часть своих шкур в Олбани. Экспансионистская политика, проводимая Уильямом Бернетом, угрожала торговле Новой Франции. В 1724 году губернатор Нью-Йорка решил основать пост в Осуиго, на озере Онтарио, где была сосредоточена основная торговля с «дальними» индейцами. На конференции, состоявшейся в сентябре, ирокезы уполномочили его осуществить свой проект. Это ознаменовало конец их политики посредников, которая долгое время умирала, и замену ее стратегией равновесия: чередуя уступки французам и англичанам, ирокезы надеялись предотвратить чрезмерное усиление любой из сторон на своей территории. Новой Францией решение ирокезов поддержать проект в Осуиго было интерпретировано, как как доказательство того, что

теперь они действуют полностью в интересах Англии и могут вскоре объединить силы с последней, чтобы изгнать французов с Ниагары.

Поскольку деревянный частокол мог оказаться слишком слабым, чтобы противостоять нападению, было решено заменить его каменным фортом. Лонгей был выбран Водрёем, чтобы представить ирокезам важнейшую просьбу о внесении этого изменения [15, р. 157]. Если бы ирокезы отказались позволить Лонгейю возвести укрепления, по мнению Водрёя, у французов не будет другого выбора, кроме как защищать свою западную империю силой оружия, и он умолял метрополию предоставить больше солдат, оружия и боеприпасов, чтобы перевести колонию и западные посты на военное положение [4, pp. 966 - 967]. В его сознании существовала почти полная уверенность в том, что мирное англо-французское сосуществование в Северной Америке невозможно. Применение силы было необходимо на востоке, чтобы помешать Новой Англии захватить земли Абенаки, и вскоре может оказаться необходимым применение силы на западе, чтобы помешать Нью-Йорку одержать победу над индейскими союзниками Новой Франции. Каменный форт, запланированный на Ниагаре, был главной надеждой Водрёя – если не считать войны – остановить это развитие. Однако пять наций согласились с требованием Лонгея, но Водрёй, вероятно, не узнал об этом.

В вопросе о месте и роли Ирокезской лиги в будущей войне, противоборствующие державы оставались на тех же позициях, что и к началу столетия: Англия стремилась вовлечь Лигу в военные действия на ее стороне, в идеале, в полном составе; задачей минимум для Франции было обеспечение полного нейтралитета ирокезских племен, программой максимум – раскол конфедерации и привлечение части ее членов на свою сторону в конфликте.

Франция могла этому противопоставить лишь усиление традиционных форм экономического поощрения своих индейских союзников: основание новых торговых постов и государственное субсидирование торговли. Чаще всего субсидирование принимало форму ежегодных подарков союзным племенам необходимых им орудий труда и оружия. Корона также предоставляла индейцам фактически бесплатные услуги кузнецов и оружейников во французских фортах, таких, как Ниагара или Фронтенак.

Например, губернатор Новой Франции Шарль де Боарнуа с 1730 г. санкционировал огромный рост расходов на подарки индейцам, которые намного превысили ежегодные бюджетные ассигнования в размере 22 000 ливров, выделяемые на эти цели [11, р. 26]. Корона терпела убытки от таких экономических решений, но цель, - удержать контроль над индейской торговлей, не отдав его англичанам, - оправдывала подобные средства [17, р. 122; 8, р. 19].

Таким образом, говоря о роли Ирокезской лиги, наиболее верным будет утверждение, что ирокезам был выгоден мир, так как сложившиеся условия предоставляли им именно то, к чему они стремились, по крайней мере, с 1701 г. Нейтралитет обеспечивал им, с одной стороны, возможность участия в западной меховой торговле, а с другой, роль арбитра и, в перспективе, лидера в формирующейся на основе французского и английского альянсов паниндейского движения. С этой точки зрения, представляется, ирокезы в 1713-1744 гг. не столько выбирали между тем или иным европейским партнером, сколько готовились заменить обоих в роли главного политического актора на Северо-Востоке Америки.

Библиографический список

1. Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII-начале XVIII в. СПб, 2005.
2. Морган Л.Г. Лига ходеносауни, или ирокезов. М., 1983.
3. Charlevoix P.-F.-X. History and General Description of New France. N. Y., 1900. Vol. 5.

4. Documents relative to the colonial history of the State of New York / Procured in Holland, England and France by John Romeyn Brodhead. – Vols. IX. – Albany: Weed, Parsons and Company, Printers, 1855.
5. Hammang F. H. The Marquis de Vaudreuil. New France at the Beginning of the Eighteenth Century. Bruges, Louvain, 1938.
6. Le ministre a Vaudreuil, 4 juillet 1713, AC, B, vol. 35.
7. McCully B. T. The Camp at Wood Creek Reviewed, August 16, 1709 // Catastrophe in the Wilderness: New Light on the Canada Expedition of 1709 // William and Mary Quarterly. 1954. Vol. 11.
8. Miquelon D. Jean-Baptiste Colbert's "Compact Colony Policy" Revisited: The Tenacity of an Idea // Proceedings of the 17th Meeting of the French Colonial Historical Society, May 1991. Lanham, London, 1993.
9. Norton T. E. The Fur Trade in Colonial New York. Madison, 1974.
10. Smith W. The history of the late province of New-York, from its discovery, to the appointment of Governor Colden, in 1762. 2 vols. New-York, 1830. Vol. 1.
11. Standen S. D. Politics, Patronage, and the Imperial Interest: Charles de Beauharnois' Disputes with Gilles Hocquart // Canadian Historical Review. 1979. Vol. 60.
12. Vaudreuil au Conseil de la Marine, 6 octobre 1721, AC, C11A, vol. 43.
13. Vaudreuil au Conseil de la Marine, 22 octobre 1720, AC, C11A, vol. 42.
14. Vaudreuil au Conseil de la Marine, AM, B 1, vol. 29.
15. Vaudreuil au ministre, 22 mai 1725, AC, C11A, vol. 47.
16. Vaudreuil au ministre, 12 novembre 1712, AC, C11A, vol. 33.
17. White R. The Middle Ground: Indians, Empires and Republics in the Great Lakes Region, 1650-1815. Cambridge, 2011.

Сведения об авторе:

Жигунова Ирина Ивановна, ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: 9661614@mail.ru

УДК 94, 271.5

А. В. Федин

ОТ «ПЛОТИ-ДЕЛИКАТЕСА» К «ХЛЕБУ БЛАГОСЛОВЕННОМУ»: ИНДЕЙСКИЙ КАННИБАЛИЗМ В ИЕЗУИТСКОМ МИССИОНЕР- СКОМ ДИСКУРСЕ В НОВОЙ ФРАНЦИИ XVII-XVIII ВВ.

Аннотация: Статья посвящена проблеме восприятия иезуитскими миссионерами каннибалистских практик индейских народов Северо-Востока Северной Америки эпохи французского колониального режима (XVII – первой половины XVIII вв.). Ключевой трудностью в согласовании католических принципов и туземной антропофагии стала трансляция смысла ключевого христианского таинства причастия (Евхаристии), имевшего явные коннотации с каннибализмом. В результате, иезуитские миссионеры были вынуждены существенно модифицировать ортодоксальную интерпретацию этого таинства, чтобы избежать параллелей с туземными традициями каннибализма. **Ключевые слова:** иезуиты, миссионерство, Новая Франция, каннибализм, Евхаристия, перевод.

Fedin A. V. From the "Delicacy of Flesh" to the "Blessed Bread": Indian Cannibalism in the Jesuit Missionary Discourse in the 17th-18th centuries New France

Abstract: The article is devoted to the problem of Jesuit missionaries' perception of the cannibalistic practices of the Native American peoples of Northeastern North America during the era of the French colonial regime (XVII - first half of the XVIII centuries). The key difficulty in reconciling Catholic principles and indigenous anthropophagy was the translation of the meaning of the key Christian sacrament of communion (the Eucharist), which had clear connotations with cannibalism. As a result, the Jesuit missionaries were forced to significantly modify the Orthodox interpretation of this sacrament in order to avoid parallels with the indigenous traditions of cannibalism.

Keywords: Jesuits, missionary work, New France, cannibalism, Eucharist, translation.

С о времен Колумба, который уже в результате своего первого путешествия, приведшего к открытию европейцами Америки и ее обитателей, предполагал, что «они едят человечину» [5, с. 1132], образ каннибала стал прочно связываться с индейцами. Каннибализм коренных жителей Нового света для европейцев раннего Нового времени не был просто этнографическим фактом. Возникновение и развитие этого дискурса шло, прежде всего, в рамках конструкции идеологии завоевания и колонизации Америки, оправдания эксплуатации и аккультурации ее коренного населения, прежде всего, дегуманизируя его, низводя на уровень недолудей и/или животных [29, р. 14]. Например, для испанского теолога XVI в. Франсиско де Витории «свирепым» и «бесчеловечным» каннибализм был именно потому, что демонстрировал отсутствие понимания места, занимаемого людьми в великой цепи бытия. Человечество было создано Богом ниже ангелов, но выше животных, и «человек явно не является пищей для человека» [19, р. 80-90]. Таким образом, каннибал не являлся человеком в полной мере, а значит, и универсальные человеческие ценности и права были для него недоступны.

С религиозной точки зрения здесь возникал ряд сложностей, базовой из которых была сама возможность обращения таких «недолудей» в христианство. В течение большей части XVI в. шла интенсивная дискуссия между теологами, политиками и колонизаторами по вопросу возможности и/или необходимости миссионерской работы среди американских туземцев вообще и каннибалов в особенности. Вершиной ее стал диспут в Вальядолиде между испанскими теологами де Сепульведой и Лас Касасом в 1550-1551 гг., в котором столкнулись две кардинально противоположные точки зрения: первый утверждал, что американские «дикари», в том числе потому, что практикуют каннибализм, не являются вполне людьми и в силу должны быть полностью подчинены испанцам, в результате чего в отдаленном будущем смогут преодолеть свою извращенную природу и стать достойными крещения; для второго, индейцы были такими же творениями Господа, что и европейцы, их грехи, включая каннибализм,

– результат невежества и козней Сатаны, а значит их обращение необходимо для спасения их душ [13]. Эти две точки зрения оставались доминирующими в определении европейских миссионерских стратегий вплоть до конца Нового времени, в основе которых лежал выбор приоритетов: цивилизация как предварительное условие христианизации (т. е., превращение «дикаря» в «человека») или безусловная христианизация, предполагающая изначальную человечность «дикаря».

Иезуитские миссионеры, вышедшие на авансцену истории европейского колониализма и мировой экспансии христианства именно в этот период, сразу же приняли точку зрения Лас Касаса, исходя как из основных доктринальных положений своего ордена, прежде всего, концепции «поиска Бога во всем» св. Игнатия Лойолы, так и в результате непосредственного знакомства с туземным миром Америки, весьма разнообразным и сложным [4, с. 265-286]. Например, уже на рубеже XVI-XVII вв. перуанский иезуит Блас Валера различал так называемое «первое язычество», характеризовавшимся, в том числе, «кушанием человеческого мяса... и другими очень варварскими вещами», и более развитое «второе язычество», связанным с культурной миссией инков [2, с. 34-35, 195].

У современных исследователей истории и культуры индейских народов североамериканского Вудленда нет сомнений, что они практиковали каннибализм, в основном, в ритуальной форме [28, р. 210; 26, р. 32-49; 25; 21, р. 20; 6, р. 309-316; 7]. Но для иезуитов (да и других французских миссионеров) каннибалами по умолчанию были ирокезы, главные военные соперники французской колонии и ее туземных союзников. Декларация «ирокезы – каннибалы» часто встречается в миссионерских отчетах из Канады [14, vol. XXII, р. 253-255; vol. XXXII, 19; vol. LVII, 95; 11, р. 521]*. С момента втягивания Новой Франции в серию этнических конфликтов, традиционно обозначаемых как «Бобровые (или Ирокезские) войны», в 40-х гг. XVII в. ирокезы интенсивно демонизируются в колониальных отчетах, прежде всего, ежегодных «*Иезуитских реляциях*», в которых они представлены «бичами божьими» и гонителями нарождающейся христианской церкви французов и аборигенов. После мученической гибели целого ряда ведущих иезуитских миссионеров от рук ирокезских воинов за ними окончательно закрепился статус главного врага христианской веры и ее европейских проповедников. Обвинение всех ирокезов в каннибализме вполне соответствовало этой тенденции и весьма резонировало с просьбами и даже требованиями к властям метрополии покарать всю Ирокезскую лигу. С этого времени термины «ирокез» и «каннибал» иногда использовались как взаимозаменяемые синонимы [14, vol. XXXI, р. 175; vol. XXXII, р. 19; vol. XLIII, р. 85; vol. XLIV, р. 81, 173; vol. XLIX, р. 231].

Столь же показательным является тот факт, что по мере развития франко-ирокезских отношений, появления ирокезских христианских общин, сокращения интенсивности противостояния, полностью прекратившимся к XVIII в., тема ирокезского каннибализма исчезает из иезуитского миссионерского дискурса (последнее упоминание о каннибализме среди ирокезов относится к 1683 г. [14, vol. LXII, р. 241]). С другой стороны, с 1660-х гг. сами ирокезы начинают постепенно отказываться от каннибальской практики, предпочитая обращать пленников в рабов, нежели поедать их [27, р. 186]. Являлось ли это следствием, в том числе, миссионерской деятельности среди них еще предстоит выяснить.

История мученичества канадских иезуитов, ставших жертвой ирокезов в период «Бобровых войн», включала в себя каннибалистический комплекс, сыгравший важнейшую роль и в определении перспектив христианизации американских туземцев, и для формирования

* В совокупности в *Иезуитских реляциях* содержится 134 упоминания об актах каннибализма, более 50% которых (72) относятся к ирокезам. Следующей по количеству упоминаний группой являются гуроны - 19.

мартирологического дискурса, важнейшего элемента миссионерской самоидентификации французских иезуитов в Северной Америке. Сообщения о пытках, например, оо. Жана де Бребёфа и Габриэля Лалемана в 1648 г. затрагивали тему каннибализма как составной части претерпеваемых мучений: «они срезали плоть с его [Бребёфа] ног, бедер и рук, до самых костей; и затем зажирили и съели у него на глазах; один из... тех варваров... сделал отверстие в верхней части его груди, и вырвал его сердце, которое изжарил и съел. Другие пили его кровь, еще теплую, говоря, что о. де Бребёф был очень храбр, вынеся такую большую боль, какую они причинили ему, и что, выпив его крови, они станут храбрыми, как он». У Лалемана также вырвали и съели сердце [14, vol. XXXIV, p. 27-33, 139-157]. В результате, антропофагия стала элементом мартирологии, проявлением крайнего язычества, противостоящего христианству, «ненавистью к вере» (*odium fidei*), традиционного критерия мученической смерти со времен гонений раннехристианской церкви.

Туземный каннибализм был проявлением не только язычества, но и дикости, (полу)животного образа жизни. Акценты смещались от его религиозного содержания к собственно гастрономическому по мере удаления от непосредственного пространства контакта – с миссионерского поля в колонию, из колонии во метрополию. В реляциях индейский каннибализм вне контекста противостояния христианству и христианам появляется достаточно редко и только в качестве иллюстрации угрозы французам и их индейским союзникам.

«Апостол гурунов» о. Бребёф в своем очерке традиций этого народа (1636 г.) представил сразу оба вида индейского каннибализма, причем в достаточно сдержанном тоне: некоторые гурунские воины пили кровь поверженного врага, чтобы «враг никогда не смог застать их врасплох и всегда будет известно об их приближении, каким бы тайным оно ни было». Другие «кладут его в котел по частям», причем «некоторые пробуют... тело исключительно с большим ужасом». Но «есть и те, кто ест его с удовольствием; я видел, как дикари в нашей хижине с восторгом отзывались о плоти ирокеза и восхваляли ее хорошие качества в тех же выражениях, в каких они восхваляли бы плоть оленя или лося». «Это, конечно, очень жестоко; – заключает миссионер, – но мы надеемся, что с помощью Небес познание истинного Бога полностью изгонит из этой страны подобное варварство» [14, vol. X, p. 27-33, 227-229].

Примечательно, что одно из самых ранних иезуитских сообщений об ирокезском каннибализме (1642 г.) изложено устами алгонкинской женщины, которая описывает ирокезов как людоедов, цель нападений которых – «их гнусное пиршество»: «Они расчленили тех, кого они только что убили, разрезали их на части, и бросили ноги, ступни, руки и головы в котел, который они поставили кипеть с радостью, столь же великой как горе, которое чувствуют бедные пленники, которые остались живыми, когда они увидели, что их соотечественники служили пищей этих оборотней. Женщины и дети плакали горько, и эти полудемоны получали удовольствие, слушая их горькие причитания. Когда ужин был приготовлен, эти волки пожрали свою добычу; один схватил бедро, другой грудь; некоторые высосали мозг из костей; другие раскраивали черепа, чтобы извлечь мозги. Одним словом, они съели плоть людей с большим аппетитом и удовольствием, чем охотники едят борова или оленя... Они взяли наших маленьких детей, насадили на вертела, сунули в огонь и жарили их на наших глазах. Те бедные малыши... смотрели на нас, и кричали изо всех сил. Наши сердца разрывались, когда мы видели, как они жарились, голые, на медленном огне. Они не люди; они - волки» [14, vol. XXII, p. 253-257].

В данном пассаже иезуитский автор, суперитор миссии о. Б. Вимон, проводит полную дегуманизацию ирокезов («оборотни», «волки», «полудемоны»), основой которой является именно каннибализм. Необходимо заметить, что именно в 1641-1642 гг. французская колония вступила в непосредственный конфликт с Ирокезской лигой, ирокезские отряды блокировали

р. Св. Лаврентия, остановив мехоторговлю, основу экономики Новой Франции, появились первые жертвы не только среди индейских союзников, но и самих французов. В 1641 г. во Францию за помощью против ирокезов были направлены эмиссары, и образ дикаря-каннибала, нарисованный в весьма популярных в метрополии Иезуитских реляциях, видимо, должен был способствовать готовности властей такую помощь предоставить. Таким образом, во многом демонизация ирокезов была вызвана именно политическими и экономическими факторами.

По сути, это единственный пример «гастрономического каннибализма» за весь период существования иезуитской миссии в Канаде. Уже спустя два года тот же автор возвращается к концепции «языческого каннибализма», заявляя, что «бедные [туземные] христиане», потому «попали в руки ирокезов, став добычей огня и их животов, алчных до плоти и крови всех этих людей», что они «услышали нас» [14, vol. XXVI, p. 19].

Важно указать также на тот элемент каннибалистического дискурса, который Ф. Лестренган назвал «каннибализм ради мести», то есть, вынужденный, спровоцированный внешней ситуацией, связанной с чрезвычайной ситуацией, голодом или борьбой с врагом [17]. Такое объяснение каннибализма было наиболее приемлемым для миссионеров, ибо не ставило под сомнение доброту Бога, не давало повода для отчаяния относительно природы человека, в том числе, дикого.

Например, во время голодной зимы 1649/1650 гг. гуронские беженцы, изолированные на острове Сен-Жозеф, столкнулись с угрозой голодной смерти и были вынуждены «пожирать друг друга, но втайне» [14, vol. XXXV, p. 89]. Знакомство с отдаленными племенами региона Великих озер к 60-70-м гг. XVII в., еще слабо охваченными европейским влиянием, не знавшими огнестрельного оружия и железных инструментов, расширило каннибалистический дискурс в направлении дихотомии «цивилизация - варварство», но подчеркивая внешний или случайный его характер. Например, о Аллуэ, посетивший в 1673 г. племя мескуаки (утагами, или фоксы), сильно страдавших от набегов сиу, отмечал, что «варварство все еще царит здесь», но мескуаки были вынуждены «обращаться с надуэсси [сиу] не более гуманно, чем [те] обращаются с ними. Жестокость их такова, что после сожжения пленников, согласно общему обычаю страны, они разделявают их, как лося или осетра, и кладут куски в котел для варки, чтобы есть их, как едят любое другое мясо» [14, vol. LVIII, p. 67].

Но в «Истории Канады» (1664) о. Франсуа Дюкрё, никогда не бывшего в колонии, но активно контактировавшего с миссионерами-собратьями по ордену, каннибализм уже полностью вписан в диетическую традицию туземцев. «Ирокезы – каннибалы», – соглашался Дюкрё, но не по религиозно-культурным, а по чисто естественным причинам: «плоть французов нравилась их нёбу, она была большим деликатесом; особенно [плоть о.] Бребёфа – ибо члены Лалемана [имели] меньше аромата, так как он недавно приехал из Франции и жил на пищу, приготовленную с солью, согласно французской традиции, и следовательно его плоть сохранила некоторую соленость, а ничего нет, более неприятного для их вкуса» [11, p. 521].

Очевидно, что преодоление любых форм антропофагии американскими индейцами (как и любых иных проявлений язычества и нецивилизованности) было для иезуитов немислимым без принятия ими истинной христианской веры. Уже в 1640-х гг. это становится заметным на фоне противопоставления родственных ирокезам по языку и культуре, но начавшим христианизацию гурононов. В 1650 г. иезуитский наблюдатель отмечал, что «гуроны, прежде чем вера дала им больше света, чем они обладали в неверности, не считали, что они совершают какой-либо грех, поедая своих врагов больше, чем убивая их». При этом, он подчеркивает, что, даже не будучи крещеными, «они относятся с не меньшим ужасом к поеданию своих

соплеменников, чем это чувствовалось бы во Франции при еде человеческой плоти» [14, vol. XXXV, p. 89].

Одним из важнейших последствий столкновения иезуитских миссионеров с практикой индейского каннибализма стало появление новых аспектов восприятия таинства причастия как у них самих, так и у их туземных неофитов.

Именно антропофагией иезуиты объясняли свои затруднения в объяснении смысла этого таинства индейцам: употребление плоти и крови Христа, пусть и в символической форме, затрудняло, с точки зрения миссионеров, и его правильное понимание, и нежелательные ассоциации с употреблением человеческой плоти. Будучи сторонниками учения о пресуществлении (трансубстанциации), иезуиты считали, что празднование Евхаристии во время мессы не только напоминает участникам о «реальной» последней вечере, но что освящение священниками превращает хлеб в плоть, а вино – в кровь Христовы. В результате, с самого начала своей миссионерской деятельности, священники крайне неохотно шли на предоставление таинства евхаристии недавно крещеным туземцам, а для доказавших свою приверженность новой религии – сделали его привилегией и знаком отличия: «в этих миссиях не принято оказывать эту благосклонность неофитам до тех пор, пока не пройдет много испытаний», – писал иезуитский историк о. Шарлевуа [8, p. 289. Ср.: 14, vol. XXIV, p. 129; 18, p. 315; 9, p. 128; 1, с. 206-207; 12, p. 129; 3, с. 168].

В стремлении донести до индейских неофитов не форму, а духовный смысл таинства, о. Бребёф, например, перевел термин «Евхаристия» на гуронский язык как *Atonesta*, что означает «это акт благодарности, признания» [24, p. 161]. Вполне вероятно, что Бребёф предпочёл этот перевод, чтобы избежать ассоциации с практикой ритуального каннибализма захваченных врагов буквальным ссылом на поедание тела Христа [23, p. 12-13]. Это стремление было столь сильным, что иезуит пошел на прямое искажение посттридентского понимания причастия с его упором на трансубстанциации, что вплотную приблизился к реформаторскому взгляду на Тайную вечерю. Видимо, поэтому от использования этого перевода для обозначения Евхаристии последующие иезуитские лингвисты отказались. Вместо этого произошла необычная вещь, которая, безусловно, была редкостью в контексте иезуитской миссии. В гуронский язык было инкорпорировано иностранное слово, французское «*Eucharist*» [20, p. 448], что тем более странно, так как в XVII в. и сами гуроны заимствовали очень мало французских слов, и сами иезуиты стремились полностью транслировать евангельское послание на туземных языках.

В этом нежелании прослеживается уже почти вековая дискуссия в католической церкви по поводу доступности для обращенных в христианство туземцев открытых европейцами земель к таинству евхаристии. Некоторые теологи доходили до крайности отрицания этого таинства для заморских неофитов не только в течение их жизни, но даже перед смертью: испанские богословы и ранние южноамериканские Соборы оправдывали это исключение варварством индейцев, недостойных небесной пищи и способных в своем невежестве осквернить ее. Испанский иезуит о. Акоста одним из первых выступил с критикой этого убеждения, указывая, что Церковь никогда не могла отказывать в этом важнейшем таинстве заранее целым народам, и что, следовательно, индейские христиане также должны причащаться, и даже чаще, чем принято, чтобы чудо евхаристии способствовало внутреннему обращению. Благодаря, прежде всего, иезуитской, критике таких предубеждений, папа Александр VII в его Конституции 1658 г. строго запретил такое исключение туземцев (если они не были совершенно непригодны); и установил декретом, что св. виатикум должен быть предоставлен всем умирающим [22, p. 452].

Действительно, многие индейцы испытывали серьезные сомнения по поводу концепции пресуществления. Как и многое другое, в проповедуемой им христианской традиции, причастие вызывало у индейских слушателей стойкие ассоциации со смертью, в том числе, насильственной. В 1630-1640-х гг. гуруны, столкнувшиеся с опустошительными эпидемиями, прямо обвиняли иезуитов во вредоносной магии, главным инструментом которой считали причастие: по словам о. Брессани, гуруны были уверены, что «мы с этой целью привезли из Франции труп, который тщательно скрывали в нашем доме как нечто драгоценное, – намекая на Пресвятое Таинство, которое мы проводили в нашей Часовне» [14, vol. XXXIX, p. 129].

Сами иезуиты не могли избежать, пусть и косвенного, сравнения этих практик. «Но поверите ли вы, – восклицал о. де Ламбервиль, миссионер у ирокезов-мохоков, – что церемония подношения благословенного хлеба совершается каждое воскресенье всеми в Анье? Это означает, что это делается среди людей, которые до сих пор были известны как каннибалы; которые раньше насыщались не только плотью своих врагов, но даже плотью тех, кто возвещал им Евангелие. Они практикуют этот древний обычай Церкви с тем большим удовольствием, что их учат, что это знак того, что все они братья и дети Божьи, – чей хлеб они едят, пока он не даст им вкусить вечного наслаждения» [14, vol. LVII, p. 95].

Более того, события в Гуронии 1648-1649 гг., приведшие к мученической смерти иезуитских миссионеров, по крайней мере двое из которых (Бребёф и Лалеман) стали жертвой каннибализма, поместили антропофагию чуть ли не в центр собственно иезуитского миссионерского понимания евхаристии: неверные причащаются кровью праведников и тем самым невольно обретают спасение.

В этом соединении проступают контуры глубинного (религиоведческого) понимания таинства причащения, прямо восходящего к архаической антропофагии, превратившейся в теофагию: причастие как ритуальное употребление человеческого тела в качестве выражения общности [16, p. 4-5, 8; 15, p. 17-75; 10, p. 211-269; 7, p. 556-559].

Библиографический список

1. Валиньяно А. Предупреждения и предостережения по поводу обычаев и катаги, распространенных в Японии / пер. Э. Г. Ким // Анно Масаки. Нагасаки – город иезуитов. Общество Иисуса в Японии XVI века / пер. с яп. В. Онищенко. СПб.: Гиперион, 2018. 256 с.
2. Гарсиласо де ла Вега, Инка. История государства инков / пер. со староисп. В. А. Кузьмищева. Л.: Наука, 1974. 754 с.
3. Райт Дж. Иезуиты: тайная гвардия Ватикана: правда и вымысел: история возникновения и этапы развития самого влиятельного религиозного ордена западной цивилизации / пер. с англ. С. В. Головой, А. М. Голова. М.: Эксмо, 2006. 464 с.
4. Федин А. В. Формирование концепции миссионерской деятельности Общества Иисуса // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 14. М.: КомКнига, 2005. С.265-286.
5. Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. Д. В. Кузнецов. В 5-ти книгах. [Электронный ресурс] Книга 2. Средние Века. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013.
6. Abler Th. S. Iroquois Cannibalism: Fact Not Fiction // Ethnohistory. 1980. Vol. 27, No. 4. P. 309-316.
7. Cevasco C. This is My Body: Communion and Cannibalism in Colonial New England and New France // The New England Quarterly. 2016. Vol. LXXXIX, no. 4.
8. Charlevoix P.-F.-X., de, SJ. History and General Description of New France / ed. by J. G. Shea. Vol. I-VI. N. Y.: Francis P. Harper, 1900. Vol. IV.
9. Chauchetière C. The Life of the Good Katharine Tegakoüita, Now Known as the Holy Savage (1685-1695) // The Positio of the Historical section of the Sacred congregation of rites on the introduction of the cause for beatification and canonization and on the virtues of the servant of God, Katharine Tekakwitha, the Lily of the Mohawks; being the original documents first published at the Vatican polyglot press now

- done into English and presented for the edification of the faithful. New York: Fordham University Press, 1940. P. 111-211.
10. Chmielewski L. M. The spice of popery: converging Christianities on an early American frontier. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2012.
 11. Du Creux François, S.J. The history of Canada or New France (1664) / translated with an introduction by Percy J. Robinson; edited with notes by James B. Conacher. Vol. II. Toronto: Champlain Society, 1952.
 12. Greer A. Mohawk Saint: Catherine Tekakwitha and the Jesuits. New York: Oxford University Press, 2005.
 13. Hanke L. Aristotle and the American Indians: a Study in Race Prejudice in the Modern World. Bloomington, 1957.
 14. The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 / ed. by R. G. Thwaites. Vol. I-LXXIII. Cleveland: The Burrows Brothers Company Publishers, 1896-1901.
 15. Juster S. Sacred Violence in Early America. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016.
 16. Kilgour M. From Communion to Cannibalism: An Anatomy of Metaphors of Incorporation. Princeton: Princeton University Press, 1990.
 17. Lestringant F. Le Cannibale, grandeur et décadence. Paris: Perrin, "Histoire et décadence", 1994. 320 p.
 18. Monumenta Novæ Franciæ / ed. par L. Campeau, SJ. Vol. I-IX. Roma, Québec, Montréal, Bellarmin, 1967-2003.
 19. Pagden A. The Fall of Natural Man. The American Indian and the Origins of Comparative Ethnology. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
 20. Potier P. Radices Huronicae [1751 A.D.] // Fifteenth Report of the Bureau of Archives for the Province of Ontario, 1918-1919. Toronto: Printed and Published by Clarkson W. James, 1920.
 21. Ritchie W. A., Funk R. E. Aboriginal Settlement Patterns In the Northeast. Albany: University of the State of New York, State Education Dept., 1973.
 22. Schmidlin J. Catholic mission theory. Techny, Ill.: Mission press, S. V. D., 1931.
 23. Steckley J. L. De Religione: telling the 17th century Jesuit story in Huron to the Iroquois. Norman: University of Oklahoma Press, 2004.
 24. Steckley J. L. Inventing New Words: Father Jean de Brébeuf's Wendat Catechism of 1632 // Translating catechisms, translating cultures: the expansion of Catholicism in the early modern world / edited by Antje Flüchter and Rouven Wirbser. Leiden; Boston: Brill, 2017.
 25. Tuck J. A. Onondaga Iroquois Prehistory: A Study in Settlement Archaeology. Syracuse: Syracuse University Press, 1971.
 26. Tuck J. A. The Iroquois Confederacy // Scientific American. 1971. 224 (2). P.32-49.
 27. Viau R. Enfants du néant et mangeurs d'âmes. Guerre, culture et société en Iroquoisie ancienne. Montréal: Boréal, 1997. 318 p.
 28. Wright J. V. The Ontario Iroquois Tradition // National Museum of Canada Bulletin. 1966.
 29. Zemon D. N. Cannibalism and knowledge // *Historien*. 2000. 2: 13. P. 14.

Сведения об авторе:

Федин Андрей Валентинович, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, e-mail: avfedin@yandex.ru

УДК 94.410

А. Д. Фельдман

РОЛЬ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПРЕССЫ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ (1899-1902 ГГ.)

Аннотация: В статье исследуется роль консервативной прессы Великобритании в формировании идеологического образа Британской империи в период Второй англо-бурской войны (1899-1902 гг.). На примере ведущих изданий анализируются ключевые пропагандистские нарративы, использовавшиеся для оправдания войны: концепция «цивилизаторской миссии», демонизация буров как «отсталых» и «жестокых» противников, героизация британской армии. Особое внимание уделяется реакции консервативных СМИ на скандальные методы ведения войны (тактика «выжженной земли», концентрационные лагеря) и их попыткам дискредитировать критиков (например, кампании против Э. Хобхауса). Автор делает вывод о том, что консервативная пресса сыграла решающую роль в мобилизации общественной поддержки войны, трансформируя колониальный конфликт в вопрос «национального престижа».

Ключевые слова: Великобритания, *The Times*, *The Daily Mail*, *The Morning Post*, вторая англо-бурская война, У. Черчилль, Г. Китченер.

Feldman A. D. *The role of the conservative press in shaping the image of the British Empire during the Second boer war (1899-1902)*

Abstract: The article examines the role of the conservative British press in shaping the ideological image of the British Empire during the Second Anglo-Boer War (1899-1902). Using the example of leading publications, the key propaganda narratives used to justify the war are analyzed: the concept of a "civilizing mission", the demonization of the Boers as "backward" and "cruel" opponents, the glorification of the British Army. Particular attention is paid to the reaction of the conservative media to scandalous methods of warfare (scorched earth tactics, concentration camps) and their attempts to discredit critics (for example, campaigns against Emily Hobhouse). The author concludes that the conservative press played a crucial role in mobilizing public support for the war, transforming the colonial conflict into a matter of "national prestige".

Keywords: Great Britain, *The Times*, *The Daily Mail*, *The Morning Post*, *The Second Boer War*, W. Churchill, G. Kitchener.

Вторая англо-бурская война (1899-1902 гг.) стала испытанием на прочность для британской имперской идеологии, успешно проникнувшей в политическую жизнь благодаря нарративу Б. Дизраэли об «имперском романтизме». «Имперский романтизм» - сочетание прагматичной колониальной политики с эмоциональной, почти мифологизированной риторикой о величии Британской империи. [2, р. 48] Данная концепция отвечала запросам времени, превратив Британию в средиземноморскую и ближневосточную державу посредством покупки акций Суэцкого канала 1875 г., провозглашения королевы Виктории императрицей Индии в 1876 г. и др. Империализм эволюционировал до масштабов общей национальной идеи, поддерживая на плаву британцев долгие годы, распространившись не только в стане консерваторов, но и среди либеральных кругов.

На жизнеспособность данной концепции повлияли внешнеполитические события, в том числе и южноафриканская кампания 1899 – 1902 гг. Консервативная пресса, выступая в качестве важнейшего актора символического производства, осуществляла дискурсивное конструирование войны через три взаимосвязанных процесса: (а) разработку системы аргументации для легитимации военных действий, (б) формирование эмоционально заряженного патристического нарратива, (в) создание нормативного образа «джентльменского» колониального конфликта [3, р. 109], который позволял нивелировать этические проблемы, связанные с методами ведения войны.

В данной статье будут рассмотрены механизмы, использованные консервативной прессой для информирования массовой публики, а также результат конструирования образа войны как справедливой и необходимой «цивилизаторской миссии» Британии на примере крупных периодических изданий «The Times», «The Daily Mail», «The Morning Post».

Главным рупором консервативного истеблишмента стала «The Times», тесно связанная с правительством Р. Солсбери (1895-1905 гг.). На следующий день после объявления войны республике Трансвааль была выпущена статья оправдательного характера следующего содержания: «Война была неизбежна. Буры, подстрекаемые иностранными советниками, отвергли все предложения справедливого урегулирования. Теперь Британия должна показать, что не потерпит вызова своей власти в Южной Африке». [10] Это походит на классическую патристическую риторику с последующим доказательством силы на поле боя, успешно внушаемая британцам в начале военной кампании. Несколько позже они стали, применяя концепт «свой – чужой», объяснять массам «цивилизаторскую миссию» британцев на фоне очернения буров: «Мы воюем не ради завоевания, а ради порядка и прогресса. Буры – расисты и угнетатели, которые десятилетиями притесняли английских поселенцев. Наш долг – освободить Южную Африку от их тирании». [11]

Одним из аспектов пропаганды стало первоначальное замалчивание или даже оправдание использование концлагерей. После скандала с секретарем антивоенной организации «Примирительный комитет Южной Африки» Э. Хобхаус касательно публикации доклада о смертности в британских концлагерях общественное мнение начала атаку либеральная пресса. В последствии консервативная пресса, в том числе «The Times» были вынуждены признать некоторые отдельные перегибы, однако всю вину вновь перекладывали на буров: «Да, страдания женщин и детей печальны, но кто в этом виноват? Буры сами отказались сдаться и обрекли свои семьи на страдания. Это их выбор.» [12]

«The Daily Mail», будучи первой массовой бульварной газетой с ориентацией на средний класс создавала упрощённый, героический образ британских солдат, например: «Наши храбрые ребята в Южной Африке терпят лишения, но их дух не сломлен. Каждый из них – настоящий герой империи!» [4], тем самым способствовала мобилизации общественного мнения в поддержку войны. Они использовали сенсационные заголовки «ЗВЕРСТВА БУРОВ: английские пленные застрелены без суда!», подавая недоказанную информацию в качестве истины. [5] Несколько позже такие заголовки были опровергнуты, так как это не соответствовало действительности. Периодика оправдывала тактику «выжженной земли» и лояльно относилась к использованию концлагерей для достижения победы: «Если буры прячутся среди ферм, эти фермы должны быть уничтожены. Это жестко, но война есть война». [6]

Похожую политику проводило издание «The Morning Post», известное не только тем, что оно было ориентировано на аристократические круги и несло жёсткую имперскую риторику, но и ещё своими известными военными корреспондентами. Одним из таких был будущий премьер-министр Уинстон Спенсер Черчилль (1874 – 1965 гг.), отправлявший каждую неделю депеши за приличное вознаграждение в 250 фунтов стерлингов. [1, с. 230] В дальнейшем, действия Черчилля в южноафриканской кампании стали преподноситься к героическим (побег из бурского плена в Претории), а само событие стало ключевым для начала политической карьеры в Британском правительстве. [7]

«The Morning Post» выступала в поддержку действий генерала Г. Китченера: «Генерал Китченер прав: с партизанами нельзя вести переговоры. Только сила заставит их сложить оружие.» [8] Помимо этого, они нападали на критиков войны, осуждали либералов и пацифистов, называя их «предателями национальных интересов»: «Те, кто осуждает нашу армию, играют на руку врагу. Их слезливые жалобы лишь поощряют буров продолжать бессмысленное

сопротивление». [9] Позиция газеты в вопросе использования концлагерей соответствовала консервативной «The Times», а об активистке Э. Хобхаус они отзывались так: «Эта дама, не понимая реалий войны, раздувает скандал, чтобы опозорить Британию». [9] Примечательно, что помимо явного оправдания военных преступлений британских солдат, газета даже после обнародования данных о смертности (~ 26.000 бурских женщин и детей) так и не принесла извинения за поддержку концлагерей.

Для достижения своих целей консервативная пресса осуществляла контроль за информацией, посредством введения военной цензуры, а именно проверяла письма солдат и блокировала негативные репортажи. Так же они активно использовали официальные сводки и игнорировали альтернативные источники, отражая тем самым официальную позицию Великобритании. Некоторые газеты (например, «The Morning Post») форсировала героические события, используя для этого образ У. Черчилля как национального героя, избежавшего бурской расправы в плену. В этом же издании навязывали культ генералов, а именно Г. Китчинера и Ф. Робертса, полное одобрение их действий, какими бы жестокими они ни были. Многие издания «демонизировали» противника, делая акцент на «зверствах» буров. Они изображали образ «фермеров – фанатиков» (из-за кальвинистских убеждений), необразованных, неотесанных расистов, вероломных партизан и др.

Так консервативная пресса по началу войны являлась мощным средством пропаганды направленная на разные социальные слои. Используя комплекс медийных стратегий, включая селективное освещение событий, формирование бинарных оппозиций и эмоциональную мобилизацию, консервативные издания установили информационную гегемонию. В результате в общественном пространстве сложилась ситуация, когда любое сочувствие к борьбе буров за независимость автоматически маркировалось как девиантное и противоречащее национальным интересам. Однако после публикации Э. Хобхаус и обнародования подобных данных из других источников (о масштабах смертности) доверие к официальному нарративу было подорвано. Вклад консервативной прессы столь огромен, что позволило увеличить продолжительность жизни риторики Б. Дизраэли о «романическом империализме». Однако Великобритания столкнулась с последствиями южноафриканской военной кампании, ставшими предвестниками кризиса британского империализма в XX в.

Библиографический список

1. Черчилль У. С. Индия, Судан, Южная Африка. От Лондона до Ледисмита. М. Эксмо. 2004. 560 с.
2. MacKenzie, J. M. Propaganda and Empire: The Manipulation of British Public Opinion, 1880–1960. Manchester: Manchester University Press. 1984. 258 p.
3. Smith, J. Imperial Discourses: The Rhetoric of Colonial Wars in British Media, 1850-1902. Manchester: Manchester University Press. 2010. 36 p.
4. The Daily Mail. November, 11. 1899.
5. The Daily Mail. March, 2. 1900.
6. The Daily Mail. September, 7. 1901.
7. The Morning Post. №1071. January, 1. 1900.
8. The Morning Post. №2065. December, 22. 1900.
9. The Morning Post. №1874. July, 5. 1901
10. The Times. №1999, October, 12. 1899.
11. The Times. №2085, January, 17. 1900.

12. The Times. №1756, June, 15. 1901.

Сведения об авторе:

Фельдман Анастасия Дмитриевна, соискатель кафедры Всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, e-mail: ru_nasty00@mail.ru

УДК 94

П. В. Фельдман

ПОЗИЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА США В БРИТАНО-ВЕНЕСУЭЛЬСКОМ КРИЗИСЕ 1895-1896 ГГ.

Аннотация: В 1895 – 1896 гг. снова разгорелся территориальный спор между Великобританией и Венесуэлой о разделении территорий Британской Гайаны. Статья посвящена анализу позиции администрации 24-го президента США Г. Кливленда в этом споре и новой трактовке Доктрины Монро. На широком круге источников раскрываются внутренние аспекты работы американского правительства по этой проблеме. Автор приходит к выводу, что Г. Кливленд и его администрация смогли отстоять принцип невмешательства европейских держав в дела Западного полушария, оставаясь верными идеям изоляционизма и антиимпериализма.

Ключевые слова: США, Великобритания, Венесуэла, Г. Кливленд, Доктрина Монро, территориальный спор.

Feldman P. V. The Position of the US Government in the British-Venezuelan Crisis of 1895-1896

Abstract: In 1895-1896, a territorial dispute broke out again between Great Britain and Venezuela over the division of the territories of British Guyana. The article analyzes the position of the administration of the 24th President of the United States, G. Cleveland, in this dispute and the new interpretation of the Monroe doctrine. A wide range of sources reveal the internal aspects of the American government's work on this issue. The author concludes that Mr. Cleveland and his administration were able to defend the principle of non-interference by European powers in the affairs of the Western Hemisphere, while remaining faithful to the ideas of isolationism and anti-imperialism.

Keywords: USA, Great Britain, Venezuela, Cleveland, Monroe doctrine, territorial dispute.

В 1823 г. в США было опубликовано послание президента Джеймса Монро, получившее в истории имя «Доктрина Монро». Суть этого внешнеполитического принципа заключалась в том, что европейские державы должны были воздерживаться от новых колоний в Западном полушарии или вмешательства в дела стран этого региона. Взамен Штаты гарантировали невмешательство в европейские вопросы. В подобной трактовке этот принцип просуществовал около 70 лет, пока не случился Британо-Венесуэльский пограничный кризис 1895 – 1896 гг.

Дело в том, что с 1814 г. Британия получила от Голландии три колонии, что в составе империи получили название Британская Гвиана. За 3 года до этого, в 1811 г., была провозглашена независимость одной из испанских колоний – Венесуэлы, которая до 1830 г. входила в состав Великой Колумбии, а после ее распада стала независимой республикой. Как считается с британской стороны, пограничный спор зародился в 1840 г., когда нанятый королевством землепроходец Роберт Шомбургк провел разделительную линию в труднопроходимых тропических лесах между бассейнами рек Эссекибо и Ориноко. Ни одна из стран не признавала ее линией государственной границы, но за неимением лучшего приходилось ориентироваться по т.н. «Линии Шомбургка». Венесуэла не раз утверждала, что Великобритания занимает их суверенные земли, но ввиду экономической и военной слабости, ограничивалась лишь дипломатическими жестами и требованиями международного арбитража по спорным территориям. Очередной виток затяжного кризиса пришелся на середину 1890 – х гг., в связи с открытием на спорных землях золотых месторождений.

То была эпоха индустриального взлета государств Северного полушария, экономического и военного лидерства Великобритании, в первую очередь за счет развитой промышленности и сильнейшего в мире боевого флота. Однако к концу столетия, обстановка начала меняться. После Гражданской войны 1861-1865 гг. США совершили мощный индустриальный

рывок и к концу столетия стали теснить Британию с места мирового экономического лидера. Вслед за экономикой подтянулась и политика. В создавшейся обстановке Америка стала стремиться к становлению мощной морской державой под влиянием промышленно – финансовых кругов. [3] К концу века в США, что на протяжении всего XIX столетия была верны принципам изоляционизма, стало все более набирать силу экспансионистское движение, что призывало к созданию Штатами колониальной империи наподобие европейских. Империализм потихоньку охватывал США. В 1891 г. на Гавайях произошел проамериканский государственный переворот, и Америка готовила аннексию этих земель. Администрация президента-республиканца Б. Гаррисона активно работала в этом направлении, однако в 1892 г. второй раз на пост главы государства избрался демократ Гровер Кливленд, разделявший консервативные изоляционистские взгляды. К концу 1893 г. он смог приостановить процесс аннексии на весь свой срок пребывания в должности. Подобный шаг Кливленда тогда не устроил многих в Америке, однако репутация главы исполнительной власти оказалась задета довольно слабо. Лишь в 1898 г. при президенте Мак-Кинли после удачной американо-испанской войны королевство Гавайи было упразднено и острова стали частью США.

В рамках очередного обострения британо-венесуэльской проблемы, Кливленд обратил внимание на этот вопрос. Причины подобного поведения крылись в двух аспектах. Во-первых, если бы к Британии перешли спорные земли на реке Ориноко, то к ним переходил контроль над южной частью континента. Во-вторых, Панамериканский таможенный союз, во главе которого стояли США не мог позволить столь грубого нарушения Доктрины Монро. [6, p.145] Первый раз публично он высказался об этом в своем втором общем послании к Конгрессу в декабре 1894 г. [12] Президента беспокоили сообщения по дипломатическим каналам, в которых говорилось об отказе Британии от международного арбитража. Сам факт подобного поведения англичан раздражал Кливленда. [7, p. 631-632] Несмотря на свой внушительный внешний вид и довольно перегруженный слог в официальных речах и письмах, то был весьма эмоциональный человек. В конце мая 1895 г. от плеврита скоропостижно скончался глава Государственного департамента Грешем. Его место занял Генеральный прокурор США Ричард Олни. Он стал известен благодаря своему активному сотрудничеству с железнодорожными корпорациями в рамках своей адвокатской карьеры, а также крайне жесткой позицией в отношении протестующих рабочих в ходе Пульмановской стачки 1894 г. Олни буквально требовал от Кливленда пустить в ход федеральные войска для разгрома бастующих. Он был известен своим тяжелым характером и весьма грубым юридическим языком.

Поскольку венесуэльский кризис был в разгаре, новый Госсекретарь с жаром взялся за новую проблему. Уточним, что Олни в целом имел мало политического опыта, тем более в отрасли международных отношений. Черновой вариант текста депеши был зачитан сначала лично президенту Кливленду, коему все очень понравилось, а затем с ним были ознакомлены еще 4 члена кабинета (Карлайл, Ламонт, Герберт и Хармон). [7, p. 634] Только после этого, 20 июля 1895 г. ее отправили в Лондон. При этом за месяц до этого, сенатор-республиканец Генри К. Лодж, известный сторонник экспансионизма, предвосхитил действия администрации на страницах Североамериканского обозрения. По его мнению, если Британия сможет занять территории Венесуэлы, то тогда и другие европейские страны начнут экспансию в южноамериканский регион, что противоречит интересам американского народа. Потому надо защищать Доктрину Монро, не допуская вмешательства европейцев любыми средствами, мирными и сильными, если понадобится. [14, pp. 657-658]

Депеша Олни, считается новой трактовкой принципов, установленных Доктриной Монро. [1] Великобритании было в весьма грубой форме объявлено, что ее действия в отношении Венесуэлы напрямую противоречат интересам США со всеми вытекающими последствиями.

Особо подчеркивалось раздражение президента Кливленда действиями британского правительства. [9] При этом сами Штаты декларировали верность принципу невмешательства в дела стран Латинской Америки. [2]

Столь резкий тон послания, вызвал сильное удивление как в США, так и в Великобритании. Кливленд осенью того же года писал Олни, что в прессе раздувают «венесуэльский вопрос» без официальных данных. [8, p.412] Ответ от Солсбери в двух частях пришел лишь в ноябре 1895 г. Британский премьер заявил, что спор между Венесуэлой и Британией это сугубо их дело и США никаким образом не затрагиваются этим процессом. Сама же Доктрина Монро не может быть новым принципом международных отношений, который по мнению Солсбери США пытались навязать. Претензии Венесуэлы основаны на «экстравагантных» требованиях испанских чиновников XVIII в. [10,11]

3 декабря 1895 г. Кливленд выступил с третьим на своем втором сроке общим посланием к Конгрессу, в котором повторил, что США не намерены терпеть усиление влияния европейцев в Латинской Америке. Это послание писалось еще до того, как ответ Солсбери был получен, поэтому через две недели (17 декабря) президент озвучил свой ответ премьер-министру посредством специального обращения к Конгрессу. Заметим, это послание президент готовил лично, без участия членов своей администрации. [7, p. 641] Кливленд ревностно отстаивал Доктрину Монро, апеллируя к тому, что для США данный принцип является фундаментальным, и он не может устареть. Президент подчеркивал, что понимает всю ответственность, что берет на себя, требуя проведения арбитража, а заодно и ассигнований на него от Конгресса. [13, 17]

Две недели спустя Кливленд в личном письме Томасу Баярду послу США в Великобритании, признался, что до этого момента он плохо понимал смысл Доктрины Монро и старался избегать вопросов, связанных с ее трактовкой в свой первый срок. Однако теперь он изучил этот аспект и занял позицию: «Доктрина совершенно не устарела и ее следует защищать из – за ее ценности и значения для нашего правительства и благосостояния.» При этом он не исключал даже ведение боевых действий, но в крайнем случае, только если Великобритания полностью откажется сотрудничать и решится на захват спорных земель. [8, pp. 417-419]

Подобная резкость на высшем уровне вызвала в прессе бум приближающихся военных ожиданий, был снят даже небольшой фильм, где дядя Сэм побеждает в рукопашном бою Джона Булля (персонифицированный образ Великобритании). [1] Кабинет Солсбери был занят проблемами на Ближнем Востоке, Центральной Азии и Европе и не в интересах Лондона было идти на эскалацию конфликта. Уже в начале 1896 г. на страницах прессы начались попытки уладить конфронтацию. Американский бизнесмен, один из богатейших людей мира Эндрю Карнеги, поддержал действия Кливленда. Он попытался выступить с позиций примирения двух англоговорящих стран, основываясь на социал-дарвинистических идеях превосходства «англосаксонской расы». Кливленд и Олни у него предстают защитниками мира, а вот Солсбери и Бальфур, наоборот подталкивают к войне. Карнеги призывал к принятию Британией американских условий и к началу арбитража. [15, pp.142-144] Стоит отметить, что Карнеги был противником экспансионизма, и в 1898 г. после начала американо-испанской войны вступил в Американскую антиимпериалистическую лигу, как и Г. Кливленд.

В тоже время вышла статья британского политика, члена либеральной партии и сторонника англосаксонского единства Джеймса Брайса. Он был известным американофилом и был хорошо известен в США за счет своих исторических работ об истории этой страны. Брайс утверждал, что в Британии мало кого интересовал этот вопрос, и позиция Америки многим показалась неожиданной. Он так же обратился к идее англосаксонского единства, и призвал к

мирному решению вопроса, упирая что бывшие испанские колонии в Южной Америке хоть и являются республиками и потому симпатичны американцам, но по сути своей это тирании с цивилизацией «низкого типа». [16, pp. 151-153] К весне 1896 г. эскалация стала сходиться на нет, и ноябре 1896 г. кабинет Солсбери согласился на международный арбитраж, фактически признав Доктрину Монро. [4] В 1899 г. было вынесено решение, согласно которому большая часть спорных земель отошла к Великобритании.

Таким образом, второй администрации Г. Кливленда в целом удалось отстоять Доктрину Монро и упредить европейское вмешательство в дела Западного полушария. В самих США к концу XIX в. все еще не сформировалось окончательно признанное самим населением оправдание интервенционизма. [2] Сам Кливленд, как и члены его администрации были решительно настроены лишь защищать Доктрину Монро, о чем сам Кливленд написал в своем сборнике эссе, изданном в 1904 г. [5, pp. 278-281]

Президент не осознавал в полной мере, как наступление эпохи империализма, так и то что его собственная страна тоже уже готова вступить в эту схватку. Его консервативная позиция лишь временно помогла Америке удержать свой моральный облик, но ход истории был неумолим. Уже через год после его ухода с поста президента США вступив в войну с Испанией 1898 г. открыли для себя новую эпоху завоеваний, где не было места таким политикам как Гровер Кливленд.

Библиографический список

1. Исэров А.А. Доктрина Монро, или Власть слова // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 6. С. 37–63.
2. Истомина И.А. Оправдание вмешательства? Роль «Доктрины Монро» в легитимации и стигматизации интервенционизма в политике США в XIX — начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2023. №3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opravdanie-vmeshatelstva-rol-doktriny-monro-v-legitimatcii-i-stigmatizatsii-interventsionizma-v-politike-ssha-v-xix-nachale-xx-v> (дата обращения: 19.06.2025).
3. Хизриев А. Х. Предпосылки роста внешнеполитической активности США и её дальнейшего развития на ближнем востоке в конце XIX - начале XX вв. // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-rosta-vneshnepoliticheskoy-aktivnosti-ssha-i-eyo-dalneyshego-razvitiya-na-blizhnem-vostoke-v-kontse-xix-nachale-xx-v> (дата обращения: 18.06.2025).
4. Шацилло В. К. Первый (1895 г.) и второй (1903 г.) венесуэльские кризисы сравнительный анализ геополитических последствий // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – Выпуск 12 (110). Часть I. [Электронный ресурс] URL: <https://history.jes.su/s207987840018150-4-1/>. (дата обращения: 18.06.2025).
5. Cleveland G. Presidential Problems. New York: The Century Co., 1904. 296 p.
6. Graff H. Grover Cleveland: The American Presidents Series: The 22nd and 24th President, 1885-1889 and 1893-1897. Times Books. 2002. 178 P.
7. Nevins A. Grover Cleveland a Study in Courage. NY. Dodd, Mead and Company. 2018. 892 P.
8. Letters of Grover Cleveland 1850-1908. Ed. A. Nevins. N.Y. Dodd, Mead and Company. 1970, 640 P.
9. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, With the Annual Message of the President, Transmitted to Congress December 2, 1895, Part I. Mr. Olney to Mr. Bayard [Электронный ресурс] URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1895p1/d527> (дата обращения: 18.06.2025).

10. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, With the Annual Message of the President, Transmitted to Congress December 2, 1895, Part I. Lord Salisbury to Sir Julian Pauncefote. [Электронный ресурс] URL:<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1895p1/d529> (дата обращения: 18.06.2025).
11. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, With the Annual Message of the President, Transmitted to Congress December 2, 1895, Part I. Lord Salisbury to Sir Julian Pauncefote. [Электронный ресурс] URL:<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1895p1/d530> (дата обращения: 18.06.2025).
12. Second Annual Message (second term). [Электронный ресурс] URL:<https://www.presidency.ucsb.edu/documents/second-annual-message-second-term> (дата обращения: 18.06.2025).
13. Special Message. [Электронный ресурс] URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-631> (дата обращения: 18.06.2025).
14. The North American Review, Jun., 1895, Vol. 160, No. 463 (Jun., 1895), pp.651-658
15. The North American Review, Feb., 1896, Vol. 162, No. 471 (Feb., 1896), pp.129-144
16. The North American Review, Feb., 1896, Vol. 162, No. 471 (Feb., 1896), pp.145-153
17. Third Annual Message (second term). [Электронный ресурс] URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/third-annual-message-second-term> (дата обращения: 18.06.2025).

Сведения об авторе:

Фельдман Павел Владиславович, аспирант IV курса кафедры всеобщей истории и международных отношений, факультет истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, e-mail: Pfeldman@gmail.com

УДК 94

Г. В. Уваров

ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ НА ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ГЕРМАНО-ЯПОНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Аннотация: Подписание советско-германского Договора о ненападении оказало громадное влияние на развитие германо-японских отношений, которые, начиная с середины 1930-х гг., и без того нельзя было назвать вполне доверительными и партнерскими. Япония в то время видела своим главным стратегическим противником СССР, в связи с чем стремилась придать коллективной стратегии стран «оси» ярко выраженную антисоветскую направленность. В Токио считали выгодным для себя наличие напряженности в германо-советских отношениях, поскольку это не позволяло Советскому Союзу должным образом сосредоточиться на упрочении своего положения на Дальнем Востоке и оказывать широкую поддержку гомиьдановскому Китаю. Заключение Договора о ненападении сопровождалось взаимными уверениями в упрочении сотрудничества между двумя СССР и Германией – и это значительно усилило подозрительность Токио в отношении своего западного партнера по «оси». Германии пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы убедить Японию в том, что линия сотрудничества и взаимодействия в германо-японских отношениях остается неизменной.

Ключевые слова: Договор о ненападении, германо-японские противоречия, страны «оси», Антикоминтерновский пакт.

Uvarov G. V. The Influence of the Soviet-German Non-Aggression Pact for the further development of German-Japanese contradictions

Abstract: The signing of the Soviet-German Non-Aggression Pact had a tremendous impact on the development of German-Japanese relations, which, starting in the mid-1930s, could not be called completely trusting and partnership. At that time, Japan saw the USSR as its main strategic opponent, and therefore sought to give the collective strategy of the Axis countries a pronounced anti-Soviet orientation. Tokyo considered it advantageous for itself to have tension in German-Soviet relations, since this did not allow the Soviet Union to properly focus on consolidating its position in the Far East and provide broad support to Kuomintang China. The conclusion of the Non-Aggression Pact was accompanied by mutual assurances of strengthening cooperation between the two USSR and Germany, and this significantly increased Tokyo's suspicion of its Western partner in the Axis. Germany had to make a lot of efforts to convince Japan that the line of cooperation and interaction in German-Japanese relations remains unchanged.

Keywords: Non-aggression Pact, German-Japanese contradictions, Axis countries, Anti-Comintern Pact.

Подписание советско-германского Договора о ненападении по-разному расценивается исследователями различных школ и направлений, но, при всем различии подходов, признается несомненным, что оно оказало громадное влияние на развитие межгосударственных отношений как в мировом и субконтинентальном масштабе, так и на уровне выстраивания двусторонних контактов. И, конечно же, это событие заметно осложнило германо-японские отношения, которые и в предшествующий период никак нельзя было назвать доверительными и безоблачными.

Явные признаки беспокойства Токио по поводу возможного укрепления германо-советских отношений отчетливо обозначились уже к началу лета 1939 г. – и тому были свои причины, на которые указал немецкий посол в Москве Вернер граф фон дер Шуленбург в письме статс-секретарю МИД Германии Эрнсту фон Вайзеккеру от 5 июня. «Ясно, что Япония не хотела бы видеть и малейшего согласия между нами и Советским Союзом, – отметил посол. – Чем меньше становится наше давление на западные границы России, тем увереннее будет чувствовать себя Советский Союз в Восточной Азии». Шуленбург также обратил внимание и на то, что СССР предоставляет помощь Китайской республике и в то же самое время

«удерживает японцев от перебросок их очень сильных воинских контингентов из Маньчжурии в Китай» [1, с. 15, 18], затрудняя тем самым победу Японии в развязанной ею войне против материкового соседа. О характере и масштабах упомянутой советской помощи можно судить по событиям в течение одной лишь июньской недели 1939 г.: 13 июня был подписан Договор между правительствами СССР и Китайской Республики о реализации предоставленного советской стороной кредита на 150 миллионов долларов США (далее – USD), 16 июня – торговый договор между ними, 20 июня – два контракта о поставках гоминьдановскому правительству «военной техники и иных припасов для сопротивления японской агрессии». Оба контракта предполагали срок действия с 25 июня по 1 сентября 1939 г.; первый предполагал отpravку в Китай «специального имущества» на общую сумму 14557564 USD, второй – на 21841349 USD [2, с. 451, 454-458, 460, 461]. Не случайно поэтому Япония видела в то время своим главным противником СССР и настойчиво стремилась обратить против него коллективную агрессию стран «оси».

К этому времени в самой Японии, как сообщал советский военный разведчик Рихард Зорге, развернулась острая борьба между тремя военными кликами, представители которых расходились во взглядах в вопросе направленности консолидированных военных усилий членов «оси» и относительное примирение между которыми было возможно только в одном случае – если целью будущей агрессии будет обозначен Советский Союз. Германия и Италия предложили, чтобы список таких целей пополнила Великобритания, но японская сторона решительно протестовала против этого [2, с. 392, 425]. Реакция Вильгельмштрассе последовала незамедлительно: рейхсминистр иностранных дел Йоахим фон Риббентроп указал немецкому послу в Токио генералу Ойгену Отту, на то, что «Япония вовсе не может требовать, чтобы в своих двусторонних отношениях Германия и Италия приспособлялись к уровню, желательному с точки зрения интересов Японии» [3, с. 401]. Таким образом, уже летом 1939 г. в отношениях Берлина и Токио возникла довольно странная и нетипичная для партнеров по военному пакту ситуация, когда они не только не согласовывали свои действия в ближайшей перспективе, но даже не пожелали выработать единого подхода к их осуществлению.

Сознавая, что в Токио не придут в восторг от подписания Германией пакта о ненападении с СССР, в Берлине усиленно делали вид, что не намерены подвергать какому-либо риску прочность блока агрессоров – в том числе и посредством сближения с Советским Союзом, с которым Япония в то время уже всюю воевала на реке Халхин-Гол. В частности, еще в начале августа Риббентроп, беседуя с временным поверенным в делах СССР в Германии Георгием Астаховым, характеризовал германо-японские отношения как «хорошие и дружественные», а также «прочные» [1, с. 28]. Но 19 августа 1939 г. японское политическое руководство и военщина были буквально ошеломлены новостью о заключении торгово-кредитного соглашения между СССР и Германией, согласно которому немецкая сторона предоставляла Советскому Союзу кредит в сумме 200 миллионов рейхсмарок (далее – RM) сроком на семь лет под пять процентов годовых для закупки германских товаров в течение двух лет с момента подписания Соглашения. Со стороны СССР Соглашением предусматривалась поставка товаров Германии в течение тех же двух лет на общую сумму 180 миллионов RM. Сообщая о произошедшем событии, газета «Правда» в передовице от 21 августа подчеркнула, что «новое торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией, родившись в атмосфере напряженных политических отношений, призвано разрядить эту атмосферу. Оно может явиться серьезным шагом в деле дальнейшего улучшения не только экономических, но и политических отношений между СССР и Германией» [1, с. 49-51].

Поздно вечером 21 августа Риббентроп из Бергхофа – баварской резиденции Гитлера – позвонил по телефону японскому послу в Германии Хироси Осиме и кратко проинформировал

его «о последнем повороте в отношениях между Берлином и Москвой». Крайне возбужденный и обеспокоенный услышанным Осима настоял на немедленной встрече со статс-секретарем Вайцзеккером, состоявшейся в полночь и продолжавшейся около часа. В начале встречи Осима, проявлявший, по словам статс-секретаря, «некоторую неловкость», предъявил оппоненту два аргумента, должных доказать факт нарушения Германией союзнических обязательств. Первый был традиционен и повторял мысль о том, что СССР, существенно укрепляющий свою безопасность в Европе, получал возможность наращивать помощь Китаю в его противостоянии японскими войскам. Согласно второму, содержание Договора о ненападении прямо противоречило духу Антикоминтерновского пакта и прочих договоренностей между странами «оси» [4, с. 193-194]. Но Осима не зря имел репутацию «друга Германии»: он подчеркнул, что «бессмысленно пытаться изменить свершившиеся факты» и выразил намерение «смягчить потрясение в Японии», выступив с телеграфным сообщением своему правительству, после чего участники беседы перешли к выработке положений, которые могли бы лежать в основе сообщения японского посла своему правительству и позволили бы ослабить возникшую напряженность в отношениях Берлина и Токио. В основу их были положены следующие соображения Вайцзеккера:

1. Немецкое правительство не совершило ничего, что могло бы поставить под сомнение его дружеские отношения с Японией. Напротив, оно намерено и далее развивать их, подчеркивая глубокое уважение к тем японским деятелям, которые, подобно Осиме, «действовали и будут действовать наиболее энергично в этом направлении»;

2. Обсуждаемые события не должны вызывать удивление в Токио, поскольку несколькими месяцами ранее германский министр иностранных дел проинформировал японского посла о намерении нормализовать германо-советские отношения;

3. Предстоящее соглашение дало бы возможность предпринять шаги по урегулированию японо-российских отношений на длительный период – тем более, что в Москве «приветствовали бы» это;

4. Со времени подписания Антикоминтерновского пакта произошли изменения в расстановке сил на международной арене: для Японии врагом номер один стала Англия, точно так же, как Германия сейчас «также страдает в гораздо меньшей степени от политики России, нежели от политики Великобритании»; в этой связи германо-советское урегулирование «отвечает интересам обеих наших стран»;

5. Невозможно отрицать, что именно Германия «с бесконечным терпением» стремилась укрепить германо-японские связи, но в течение последнего полугодия, несмотря на все усилия посла Осимы, «не услышала хоть какого-нибудь отклика из Японии»;

6. Экономические и политические дискуссии Берлина и Москвы продолжались уже некоторое время, но переговоры о заключении пакта о ненападении начались только в последние два-три дня; причинами тому являются «польское высокомерие» и деструктивная позиция европейских держав, заставляющие Германию в срочном порядке позаботиться об обеспечении собственной безопасности [4, с. 194].

В завершение беседы заметно воспрянувший духом Осима заверил статс-секретаря в своем «неизменном намерении и дальше работать ради укрепления немецко-японской дружбы» и выразил готовность переговорить с Риббентропом, если тот согласится по дороге в Москву заехать в Берлин. По мнению Осимы, такой разговор мог бы «придать его докладу в Токио еще больший вес», и ради этого японский посол был готов даже приехать на аэродром, откуда Риббентроп планировал вылет в Москву [4, с. 195].

Запрашиваемый послом Японии разговор с Риббентропом состоялся 22 августа, как и предполагалось, на аэродроме буквально перед отлетом последнего в советскую столицу.

Сообщая об этом посольству в Токио, Вайцеккер сконцентрировал внимание на признании Осимы в том, что тот подал в отставку и просит сохранять этот факт до поры до времени в тайне. Очевидно, что в МИД Германии понимали, чем обусловлено решение японского посла, но при этом не хотели терять в его лице надежного партнера в сложной дипломатической игре с дальневосточным союзником. «Поскольку мы по-прежнему придаем большое значение дальнейшему поддержанию хороших и тесных дружеских отношений с Японией, – указывал Вайцеккер, – дальнейшее пребывание Осимы на его посту является преимуществом, от которого мы не хотели бы отказываться» [4, с. 191]. Впрочем, Осима тоже был весьма непросто и, при всех своих симпатиях к Германии, не забывал и об интересах собственного государства. В своем отчете о разговоре с Риббентропом на аэродроме он, в частности, отметил, что спросил рейхсминистра о том, возможно ли дальнейшее укрепление Антикоминтерновского пакта, на что тот ответил, что «обстоятельства, к сожалению, мешают развитию отношений с Японией». Как сообщал временный поверенный в делах США в Японии Юджин Думан государственному секретарю США Корделу Хэллу, этот отчет был в тот же день обнародован в японской прессе [5, с. 53].

22 августа Немецкое бюро новостей (DNB) сообщило о предстоящем заключении германо-советского Договора о ненападении и о приезде на следующий день в Москву Риббентропа. Эти новости поставили в чрезвычайно сложное положение немецкого посла Отта, который панически телеграфировал в Берлин о поднявшейся в Японии «волне встревоженных запросов со стороны армии, министерства иностранных дел и прессы с настоятельным требованием объяснений от правительства рейха». Буквально загнанный в угол посол пытался отделаться общими заявлениями о том, что «ось Берлин-Рим-Токио была и остается основой политики Германии» и нервно попросил свое руководство «прислать инструкции по поводу того, о чем и как мне следует говорить» [4, с. 185]. В политических и военных кругах Японии тем временем накалялись страсти, подогреваемые раздраженными публикациями в ведущих газетах, в том числе и с изложением содержания отчета Х. Осимы о его разговоре с Риббентропом на аэродроме. Сам же Осима, оставаясь пока в статусе посла, старался, как мог, охладить пылкость японских журналистов, аккредитованных в Германии. 22 августа он вызвал для беседы трех корреспондентов, представлявших информационное агентство Японии «Домэй» и газеты «Асахи» и «Ници Ници», и «настоятельно посоветовал им быть осторожными в своих репортажах, поскольку сам он, Осима, пока не может определить сферу действия Пакта о ненападении и его последствия для германо-японских отношений. Более того, – подчеркнул «лучший друг Германии», – отношение японского правительства к заключению Пакта еще не определено. Поэтому в этот сложный период в сообщениях прессы рекомендуется проявлять особую осторожность [4, с. 237].

Но уже 23 августа японская пресса преисполнилась негативными публикациями и комментариями антигерманской направленности, которые по-разному вычленились из единого информационного потока и подавались своим правительствам представителями иностранных держав в стране. Американский дипломат Ю. Думан был категоричен и красочен в своих донесениях в Госдеп. «Нынешнее заявление (заявление DNB от 22 августа – У.Г.) вызвало открытое осуждение Германии за то, что она фактически покончила с Антикоминтерновским пактом, а также – понимание свершившегося предательства Германии, которое они даже не пытаются скрыть», – отметил он. – В правительственных кругах, а также среди населения те, кто обычно хорошо информирован и готов разговаривать с нами, ошеломлены и практически ничего не понимают. В их голосах преобладает гнев по поводу того, что Германия не потрудилась заранее уведомить Японию о переговорах, хотя с Италией предварительные всесторонние консультации были проведены» [5, с. 51]. Описывая реакцию общественно-политических

сил Японии на подписание Договора о ненападении, Думан подчеркнул, что «условия германо-советского пакта разозлили японцев» и, «если отношение прессы и отдельных японцев будет отражено в окончательном решении японского правительства, я бы без колебаний сказал, что возможность объединения Японии с Германией и Италией против демократических государств теперь утрачена» [5, с. 53]. Представители СССР и Германии были заметно сдержаннее в характеристиках поднявшихся в стране настроений. Временный поверенный в делах СССР в Японии Н.И. Генералов сообщал в НКВД 24 августа: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь. Вчера и сегодня происходил непрерывный обмен визитами, и этот факт оживленно обсуждался членами правительства, двора и Тайного совета... Газеты начинают, пока осторожно, обсуждать возможность заключения такого же пакта Японии с СССР. В качестве подготовки к этому вчера и сегодня под большими заголовками помещались сообщения корреспондентов из Берлина, где говорится: «Похоже на то, что Германия после подписания этого пакта будет стараться, чтобы Япония заключила с СССР такой же пакт»... В высказываниях многих видных деятелей признается неизбежность коренного пересмотра внешней политики Японии, и в частности, к СССР» [3, с. 637].

Сотрудник германской службы новостей и пресс-службы посольства Германии в СССР Б. фон Штумм в вечерней телеграмме в МИД от 23 августа и вовсе продемонстрировал полную безмятежность: «Общее мнение, выраженное в сегодняшней утренней японской прессе по поводу Пакта о ненападении, заключается в том, что Япония сейчас сталкивается с совершенно новой ситуацией, которая также окажет влияние и на Дальний Восток. Вина за заключение Пакта о ненападении возлагается, во-первых, на Великобританию и, во-вторых, на медленную и неуклюжую дипломатию Японии и нерешительность ее правительства» [4, с. 222]. Доклад Отта своему руководству в Берлине от 24 августа был составлен, в сущности, в столь же благодушном тоне. «Обстановка в Японии более спокойная, – сообщал посол. – Пресса придерживается объективной точки зрения и не нападает на Германию... Отдельные газеты усиливают требования о немедленном военном союзе со странами Оси и описывают Великобританию как реального общего врага. Однако большинство газет рекомендуют продолжать независимую политику в отношении Китая без оглядки на какую-либо из групп держав». Сохраняющееся в Токио недовольство действиями Германии Отт представил как несущественное обстоятельство, которому не следует придавать значения. «Все круги, особенно военные, раздражены тем, что Япония, будучи партнером по Антикоминтерновскому пакту, поставлена перед свершившимся фактом, – отметил он. – Я борюсь с этими проявлениями недовольства, указывая на то, что положительный результат мог быть достигнут только при условии абсолютной секретности, в которой нельзя было быть уверенным ввиду продолжающихся утечек информации со стороны японских ведомств в последние месяцы. Я особенно подчеркиваю, что пакт о ненападении значительно ослабляет позиции Великобритании, тем самым способствуя успеху политики Японии в отношении Китая, который она сама называет своей главной задачей» [4, с. 259-260]. Очевидно, что и советская, и немецкая стороны усиленно старались делать вид, что заключенный ими Договор о ненападении – закономерный и ожидаемый итог взаимного стремления каждой к укреплению своей безопасности в условиях спровоцированного третьими странами резкого обострения международной напряженности, не предполагающий резких поворотов во внешнеполитическом курсе.

Впрочем, в этом тандеме германским дипломатам приходилось куда сложнее, нежели советским – им приходилось раз за разом искать убедительные и умиротворяющие ответы на претензии своего дальневосточного «партнера» по поводу заключенных Берлином

договоренностей с Москвой. В частности, один из работников японского посольства в Германии 23 августа в телефонном разговоре с руководителем Политического отдела VIII МИД Германии Йозефом Кноллом выразил недоумение по поводу того, что «условия, предложенные Советскому Союзу в германо-советском кредитном соглашении, значительно более благоприятны, чем те, которые были предоставлены Японии в германо-японском экономическом соглашении», парафированном 28 июля 1939 г., и запросил «разъяснения по поводу такого дифференцированного обращения, чтобы иметь возможность ответить на вопросы по этому поводу, могущие возникнуть у его правительства» [6, с. 1012]. Кноллу пришлось в срочном порядке готовить почву для возможных оправданий на случай, если японский посол поставит этот вопрос перед немецким руководством. «Среди товаров стоимостью в 180 миллионов RM (которые СССР, напоминая, обязывался поставлять Германии – У.Г.) нет ни одного, в котором бы мы срочно не нуждались, – подчеркнул немецкий чиновник в меморандуме от 25 августа. – Обещанные нами поставки составляют 125 миллионов RM в течение двух лет. Однако к ним относятся прессы и кузнечные молоты и другое механическое оборудование, не включенное в обещанные поставки в Японию на сумму 100 миллионов иен в течение двух лет. Некоторые улучшения в условиях, например, сроки кредитования и процентные ставки, были приняты в последнюю минуту ввиду политической важности соглашения, так что некоторые данные, предоставленные нами в ходе германо-японских переговоров и верные в то время, теперь устарели. Подобные консультации, – настаивал Кнолл, – без сомнения, были бы проведены и с Японией, если бы она заключила военный пакт» [4, с. 300-301].

Тем временем посол Отт в Токио наращивал усилия по сглаживанию осложнившихся германо-японских отношений. 25 августа он имел беседу с министром иностранных дел Хатиро Аритой, во время которой подчеркнул «желание Германии продолжать поддерживать дружественные отношения с Японией, а также объяснил причины действий Германии и создаваемые ими преимущества». Предвидя грядущую скорую отставку правительства, Арита воздержался от пространного ответа и ограничился вручением Отту официальных правительственных инструкций, отправленных в Берлин Осиме. Японскому послу предписывалось «проинформировать правительство Германии о том, что, по мнению правительства Японии, заключение Пакта о ненападении полностью положило конец предыдущим переговорам между Японией и Германией о трехстороннем союзе с Италией». Также Токио уведомлял европейского союзника, что «действия Германии по заключению Пакта о ненападении с Россией представляют собой серьезное нарушение Секретного соглашения, приложенного к Антикоминтерновскому пакту между Японией и Германией», что заставляет Японию «заявить решительный протест правительству Германии». От себя Арита добавил, что Япония делает подобные заявления вынужденно, в то время как ее действительным намерением является продолжение дружбы с Германией, для чего она изыскивает нужные средства [4, с. 277-278].

Благодаря активности Отта на Вильгельмштрассе уже знали о предполагаемой направленности заявлений Осимы и должным образом к ним подготовились. Вайцеккер, «как и было поручено», с первых же минут встречи, состоявшейся 26 августа, выразил желание «поговорить с ним не официально, а как с товарищем и другом». Впрочем, содержание некоторых высказываний статс-секретаря можно было лишь с большой натяжкой назвать товарищескими и, тем более, дружескими. «Если в настоящий момент японское правительство посчитало целесообразным обратиться к нам с подобными претензиями и, более того, представить их в письменной форме в качестве «серьезного протеста», – заявил Вайцеккер, – я мог бы заверить японское правительство, что оно получит весьма резкий ответ – и вовсе не такой, который... мог бы способствовать продолжению дружеских отношений между Японией и Германией, отношений, к которым все мы, безусловно, стремимся». В какой-то момент беседы – когда речь

зашла об ответственности сторон за возможный срыв переговоров держав «оси» о дальнейшем укреплении союзнических отношений – немецкий дипломат, стремясь затушевать роль Германии в случившемся, позволил себе перейти на доверительный дружеский тон. «По вопросу непринятия ответственности за предполагаемое прекращение проводимых нами переговоров о союзе, – сообщил он, – я сказал Осиме, что, если мы вообще должны говорить об ответственности, то, она, по нашему мнению, лежит исключительно на министре иностранных дел Арите, который совершенно неоправданно заставил нас ждать шесть месяцев, несмотря на самые серьезные уступки с нашей стороны. В таких формах и заключается ответственность за нынешние события» [4, с. 335]. В завершение встречи Вайцеккер сделал ставку на максимальное использование потенциала Осимы как «друга Германии» и «по-дружески» попросил его «отнестись к нашему разговору так, как будто его не было, и будто бы он вообще не встречал меня в Министерстве иностранных дел». Японскому послу было предложено «снова положить свою записку в карман и в течение двадцати четырех часов подумать над тем, какие он может предпринять действия в обход инструкций, полученных от своего правительства... , но в четко сознаваемых интересах наших двух стран». Осима и в самом деле забрал свои бумаги и покинул кабинет статс-секретаря, заметив, однако, что испытывает «глубокое беспокойство относительно того, что можно сделать, поскольку им получены недвусмысленные инструкции из Токио» [4, с. 335].

В тот же день командование японской армии выступило с заявлением, в котором «выразило разочарование японского народа в связи с сближением Германии с Россией и в то же время подчеркнуло решимость Японии продолжать выступать против Коминтерна и твердо проводить свою политику в Китае, независимо от изменений в европейской ситуации» [4, с. 370]. 28 августа японское правительство во главе с генералом Киитиро Хиранумой заявило о своей отставке в полном составе. Комментируя это далеко не рядовое политическое событие, Отт подчеркнул, что «отставка кабинета Хиранумы никоим образом не означает закрепления фундаментальных изменений в направленности японской внешней политики... Пока еще нет ничего, что указывало бы на то, что пробританские элементы в стране набирают силу. Заявление армии от 26 августа, очевидно, было рассчитано именно на предотвращение этого», – подытожил немецкий посол, но тут же был вынужден признать, что «уверенность в надежности Германии как партнера, которую испытывала большая часть населения, безусловно, была глубоко поколеблена» [4, с. 369-370].

Новое японское правительство возглавил генерал Нобуюки Абэ, которого Осима в беседе с курировавшим германо-японские отношения в министерстве иностранных дел Генрихом Штамером назвал своим личным другом и охарактеризовал как «намного более подходящего» премьер-министра, нежели его предшественник барон Хиранума. В ходе беседы Осима с удовлетворением отметил, что «японская пресса постепенно возвращается к здравому смыслу», в связи с чем он просит «не воспринимать японские газетные статьи слишком серьезно» и заверяет в своем твердом намерении «делать все, что в его силах, для поддержания и укрепления германо-японских отношений» [4, с. 398]. Примерно такое же впечатление сложилось и у немецкого посла в Италии Ханса фон Макензена, отметившего в начале сентября 1939 г. по итогам беседы с японским послом в Риме Тошио Сиратори, что «недовольство нами после заключения российско-германского пакта о ненападении значительно уменьшилось в связи со сменой японского кабинета министров» [4, с. 335].

Таким образом, германо-японские противоречия, значительно обострившиеся вследствие неожиданного для многих, включая японское руководство, советско-германского сближения, спустя некоторое время оказались в режиме постепенного сглаживания и урегулирования. Это потребовало немалых усилий с обеих сторон, в персональном составе которых,

безусловно, следует отметить послов Х. Осиму и О. Отта, а также статс-секретаря МИД Германии Э. Вайцзеккера. При этом и в Берлине, и в Токио сумели избежать наихудших, с их точки зрения, сценариев дальнейшего развития событий, но и совсем без последствий обойтись не удалось. С одной стороны, прогнозы американских дипломатов в Японии насчет того, что «ввиду новой ситуации, возникшей в результате заключения германо-советского Договора о ненападении, приготовления, которые велись для укрепления Антикоминтерновской «оси», будут прекращены» [5, с. 55], большей частью не оправдались, но, с другой – самостоятельность и отсутствие намерения ориентироваться на позицию Берлина во внешней политике Токио значительно усилились, что наглядно продемонстрировали дальнейшие шаги Японии по пути агрессии.

Библиографический список

1. СССР – Германия. 1939-1941. Сборник материалов и документов. 2-е изд. / Пер. с нем. и сост. Ю. Фельштинский. – Нью-Йорк: Телекс, 1989. – 192 с.
2. Русско-китайские отношения в XX веке. Материалы и документы. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937-1945. Книга 1: 1937-1944. / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 870 с. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/99972-russko-kitayskie-otnosheniya-v-xx-veke-t-iv-sovetsko-kitayskie-otno-locale-nil-sheniya-1937-1945-gg-kn-1-1937-1944-gg> (дата обращения: 22.03.2025).
3. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сент. 1938 – август 1939 гг.): Документы и материалы / Министерство иностранных дел СССР/ Зав. редакцией К.Н. Сванидзе. – М.: Политиздат, 1971. – 671 с. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/91057> (дата обращения: 18.03.2025).
4. Documents on German Foreign Policy. From the Archives of the German Foreign Ministry. Series D (1937–1945). Washington: United States Government printing office. Vol. VII. The Last Days of Peace. Aug. 9 – Sept. 3, 1939. 1956. – LXXVI. – 670 p.
5. Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1939, The Far East, Volume III. United States Government Printing Office. – Washington, 1955. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1939v03> (дата обращения: 21.03.2025).
6. Documents on German Foreign Policy. From the Archives of the German Foreign Ministry. Series D (1937–1945). Washington: United States Government printing office. Vol. VI. The Last Months of Peace. March – Aug. 1939. 1956. – XCIV. – 1149 p.

Сведения об авторе:

Уваров Геннадий Владимирович, к.и.н., доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, e-mail: genuvarov@yandex.ru

КОЛОНИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 94(569.4)"1917/1948":327.2

Н. О. Гришин

ПОДМАНДАТНАЯ ПАЛЕСТИНА В БЛИЖНЕВОСОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГГ.

Аннотация: Формирование Мандатной системы на Ближнем Востоке стало важным обстоятельством, повлиявшим на дальнейшее развитие международной ситуации в регионе. Положение Палестины как части данной системы, в контексте англо-американских отношений представляет особый интерес для изучения. Обращение к британской внутренней дискуссии о реальной ценности обладания Подмандатной Палестиной, предоставляет новые возможности для осмысления сложности ее политики. Когда как подобное качество американской внешней политики демонстрируется на примере борьбы между изоляционистской и экспансионистской тенденциями. Данное, в совокупности, в свою очередь способствует углублению представлений о природе текущей ситуации на Ближнем Востоке, которая выступает важной темой в современном дискурсе международных отношений.

Ключевые слова: Англо-американские отношения, Мандатная система, конференция в Сан-Ремо, нефтяная дипломатия.

Grishin N. O. Mandatory Palestine in the Middle East Policy of the USA and Great Britain in the First Half of the 1920s.

Abstract: The formation of the Mandate System in the Middle East has been an important factor influencing the further development of the international situation in the region. The role of Palestine as part of this system in the context of Anglo-American relations is of particular interest for study. Study of the British internal debate on the real value of ownership of Palestine Mandate provides new opportunities for understanding the complexities of its policies. As such, the quality of American foreign policy is demonstrated by the struggle between isolationist and expansionist tendencies. This, on the other hand, contributes to a deeper understanding of the nature of the current situation in the Middle East, which is an important topic in the contemporary discourse on international relations.

Keywords: Anglo-American relationships, Mandate system, San-Remo conference, petroleum politics.

Подмандатная Палестина – новая форма политико-правовой организации бывших арабских территорий Османской империи, оформленная как неотделимая часть нового столпа системы международных отношений межвоенной эпохи – известного как Лига Наций.

Если рассматривать Палестину периода Мандата с точки зрения формального подхода, то в ее появлении можно усмотреть радикальную трансформацию колониальной и империалистической политики стран Старого Света. Что в дополнение к сказанному свидетельствовало бы о том, что фундаментом новой системы международных отношений стал либеральный дух доктрины президента Вильсона.

Если рассматривать данный вопрос с позиции исторического материализма, то возникает вероятность повторить ошибку упрощения, зайдя с другого полюса. Что в данном случае

означало бы выстроить концепцию, где ее ядром выступал бы экономический детерминизм, а остальные факторы иного рода, образовывали бы вокруг него пояс, производных элементов.

По этой причине, на примере недостатков обоих подходов, следует в очередной раз отметить, что в противоположность этому природа Мандата Лиги Наций, как явления в международной политике, была комплексной и противоречивой.

Она не представляла из себя основательного поворота колониальной политики, но и не являлась прямым продолжением последней. В силу наличия в ее структуре, в действительности, новых элементов, рожденных из ответной реакции на кризис колониального управления в XX в., Мандатная система, основательно может рассматриваться как промежуточное звено между концом эпохи колониализма и началом деколонизации.

Последовавшее после Парижской мирной конференции возобновление конфликта интересов между Великобританией и США в Палестине обуславливалось следующим специфическим обстоятельством – пребыванием данных территорий в квазиколониальном состоянии. Это означало, что в условиях продолжения борьбы фактический контроль над областью Мандата, достигнутый английской стороной и гарантирующийся Версальским миром, размывался положениями того договора, которым он гарантировался. Данное становится очевидным при обращении внимания на пункты, в которых определяется источник, предоставляющий право на управление мандатными зонами, и гарантия свободы деятельности для других суверенных государств в этой точке земного шара [1][2].

Соглашения Сан-Ремо. Прения в Британском Парламенте

При рассмотрении ситуации в Подмандатной Палестине в контексте взаимоотношений США и Великобритании следует обратиться к событиям, которые хронологически непосредственно следуют за окончанием работы Парижской мирной конференции. В данном случае – к конференции в Сан-Ремо. Проведение переговоров великими державами на северо-западе Италии преследовало необходимость доведения до логического завершения итогов, достигнутых в Париже. Среди обсуждавшихся проблем присутствовали те, которые обладают определенной ценностью в освещении палестинского вопроса.

Первая из них – наделение статусом державы-мандатария Великобритании и Франции в отношении обозначенных ближневосточных территорий. Оформление данного решения в виде статей Севрского договора, мыслимого как окончательное урегулирование турецкого вопроса, было преждевременным.

Политические успехи сил кемалистов в 1920-1921г., консолидировавших «этническую» Турцию указали на одно важное обстоятельство. В условиях потери Союзниками оккупированных ими территорий в Анатолии, отказ нового турецкого правительства в ратификации договора становился существенным фактором, который препятствовал вступлению данного договора в силу. В этой связи, с обострением внешнеполитической ситуации, окончательное наделение Великобритании статусом мандатария было отложено на два года. В течение которых британское руководство было обременено защитой собственных подмандатных территорий, что в свою очередь, осложнялось наличием риска возникновения на них восстания и потенциального скрытого вмешательства со стороны Турецкой республики.

Вторая из них – нефтяное соглашение Сан-Ремо от 24 апреля 1920 года, отсылает к важности нефтяной экономики в стремительно развивающемся мире XX века.

Заключение данного договора преследовало цель перераспределения активов на перспективном нефтяном рынке Ближнего Востока. Решение, было реализовано таким образом, чтобы позволить Франции контролировать его часть в условиях сохранения Великобританией на нем своего преимущества.

Нефтяное соглашение в Сан-Ремо уделяет свое внимание Иракскому вопросу, оставляя за пределами рамок обсуждения проблемы в Палестине. Однако по причине того, что вопрос о добыче нефти, является вопросом общего характера, одно лишь сравнение Ирака и Палестины в этой связи позволяет сделать важные предварительные выводы, которые, в совокупности с другими фактами расширяют картину представлений о значимости Палестины.

Сам текст нефтяного соглашения, заключенного в Сан-Ремо предоставляет первые основания для подобных предположений. Одно из положений, вошедших в итоговый вариант договора предусматривало важную деталь – необходимость создания транспортной инфраструктуры [3]. Из чего явно следует, что ее предназначение – соединить добывающую область британского Ирака с портами на берегах Средиземного моря, расположенных в области Французского Мандата.

Таким образом, можно заключить, что нефтяная сделка в Сан-Ремо, подтверждала за Подмандатным Ираком роль одного из нефтяных центров на Ближнем Востоке, в свою очередь Палестина предполагалась на роль одного из стратегических коридоров этой нефтяной логистики.

Документальное подтверждение данных соображений присутствует в тексте запрототолированного обсуждения, имевшего место в Палате Лордов 29 июня 1920 г. Которое в дополнение, демонстрирует, что дискуссии о значимости Палестины с началом 20-х годов в британской элите не потеряли своей актуальности.

По итогу дебат в рамках фракционного разделения, обращаясь к работам Судейкина, оформившегося в два направления: «восточная школа» и либеральное, были высказаны мнения, которые помогают рассуждать о реальной значимости Палестины для интересов Великобритании более основательно [4].

В речи лорда Керзона подчеркивалась сугубая важность геополитических соображений, представшая в форме смирения и самоотверженной кротости:

«почти по общему согласию было решено, что мы являемся нацией, которая лучше всего подходит для того, чтобы держать священные места в доверительном управлении и выступать в качестве хранителей того, что многие миллионы людей во всем мире считают святой землей. Таковы обстоятельства, при которых мы отправились в Палестину» [5].

В действительность обосновывалась ценность ее стратегической позиции для сложившейся системы британских владений, в частности Египта. В условиях переходного периода сохранность главной связующей артерии с ядром колониальных владений в Азии и Африке представлялась насущной необходимостью. Палестина, как, а ближайший буфер выступал для Суэца единственным щитом с северо-востока, что не было не замечено и в военном ведомстве [5].

Мнение Чарльза Кохрейн-Бэйли, лорда Лэмингтона, выражало точку зрения о бесперспективности любого курса, проводимого Великобританией в данном регионе, в чем он оппонировал Дж.Керзону. В вопросе экономической ценности Палестины его доводы отражали ориентированность части элиты на Ирак, как осязаемый источник будущего благосостояния. В этой связи им была выдвинута идея использования старой Багдадской железной дороги взамен необходимости выведения магистрали к Хайфе, как наиболее разумное решение [4].

Американская специфика. Англо-американское противостояние в Палестине

Переходя к анализу действий со стороны США, следует отметить, что присутствие американской делегации на конференции в Сан-Ремо в статусе наблюдателей демонстрировало ее крайнюю заинтересованность и готовность к дальнейшим действиям. Особенно, данное обстоятельство примечательно на фоне возобладания изоляционистских тенденций ввиду

принятия Сенатом Соединенных Штатов исторически значимой резолюции, определившей судьбу Лиги Наций.

США на начало 20-х годов продолжали прочно удерживать за собой положение мирового монополиста в сфере добычи нефти. Молодая и развивающаяся нефтяная отрасль стремительно утверждала свое значение, в качестве одного из главных источников американского процветания. В этой связи, для Соединенных Штатов избравших путь отказа от использования методов открытой военной интервенции, органичным стал упор на экономическую экспансию под эгидой доктрины «открытых дверей». Которая за прошедшие два десятилетия зарекомендовала себя в роли как успешного политического лозунга, так и не менее успешного инструмента во внешней политике.

Развитие англо-американского конфликта в Палестине наглядно демонстрирует процесс расширения границ мирового рынка нефти, и то, что данному процессу свойственно порождать последствия важные для сферы международных отношений. Вместе с тем в очередной раз отражая как с течением времени вес «экономики нефти» в политических вопросах неуклонно возрастал. В этой связи важной отправной точкой для рассматриваемых событий 20-х годов послужил международный спор 1919 г между США и Великобританией. Основой для которого в свою очередь стал инцидент 1918г., связанный с инспекцией офицерами британской военной администрации документов, касающихся ранее приобретенны «Standard Oil Company» прав на нефтяные концессии в палестинском регионе. Следует отметить, что в данном случае речь идет об одной из компаний-правопреемников, появившихся после постановления 1911г. Верховного Суда США об ее упразднении.

Благодаря существующим архивным материалам дипломатической переписки госдепартамента США известно, что таковой компанией, действующей в области будущего Британского мандата, являлась «Standard Oil Company of New York». Немаловажно, данные документы раскрывают другую важную деталь: американскому капиталу удалось закрепиться в данной области Ближнего Востока в 1914г. перед самым началом Первой мировой войны [6]. Активы, которые попали в распоряжение компании стали результатом не только соглашений с местными предпринимателями, но и непосредственно с правительством Османской империи. Среди них: договор от 28 марта 1914г, г. Иерусалим. между представителями «Standard Oil Company of New York» и Исмаилом Хакки Беем Эль-Хуссейни, Сулейманом Нассиф Беем, Чарльзом Аюб Беем предоставил 7 лицензий на разведку полезных ископаемых; 18 прочих объектов, связаны с лицензиями и разрешениями предоставленными непосредственно Оттоманской Портой в том же 1914г. американским представителям, в числе которых указываются В.Э. Бемису и О. Гункель [6]. В дополнение 12 марта 1915 года офис в Константинополе, получив существенную поддержку, направил заявки о защите лицензий с целью продления срока всех разрешений, чтобы компенсировать потери от приостановки деятельности на время войны.

В 1918 г в условиях временной оккупации территорий Османской империи и до момента полной демобилизации армии, британская военная администрация получила удобную возможность прекратить деятельность «Standard Oil Company of New York». Подобный вывод, который явным образом проистекает из логики вещей, находит непосредственное отражение во словах бывшего служащего данной компании: «совершенно ясно, а именно, что британцы всеми возможными способами будут препятствовать любой американской нефтяной компании осуществлять деятельность или добычу на любой территории, которую они могут сохранить за собой после войны» [6].

Таким образом, возвращаясь к непосредственному рассмотрению международного спора 1919г., следует обозначить, что его наличие внесло очередную сложность в ведение

переговоров на Парижской конференции. Согласно краткой каблогамме, адресованной исполняющим обязанности госсекретаря Ф.Л.Полком Американской Комиссии по вопросам мира в Париже, подчеркивалась важность изучения территорий Месопотамии и Палестины для американских нефтяных интересов, которые в условиях послевоенной реконструкции «не были разделены таким образом, чтобы сделать невозможным их приобретение американскими компаниями» [6]. В это связи, предстояло выяснить «будет ли такая деятельность одобрена американским правительством и будут ли условия мирного договора такими, чтобы позволить американским компаниям входить в этот регион на равных условиях по сравнению с иностранными компаниями». [6]

Вместе с тем подобная тесная взаимосвязь с событиями на мирной конференции наглядно продемонстрировала, что в развернувшейся борьбе за нефтяные концессии «Standard Oil Company of New York» в Палестине в 1919 г. источником законности выдвигаемых претензий стало являться их соответствие сформулированным принципам Мандатного управления.

С американской точки зрения будущее решение о том, какому государству будет предоставлен мандат в отношении Палестины, в принципе не может повлиять на права американских граждан касательно судебного преследования за существующие в настоящее время юридические привилегии по использованию концессий, на законных основаниях полученных от правительства Османской империи – все выше сказанное полностью соответствует как принципу, провозглашенному президентом Вильсоном и одобренному г-ном Ллойд Джорджем, так и положениям мандата “А”, которые, хотя еще и не вступили в силу, были в принципе одобрены Великобританией. [6]

Британское дипломатическое ведомство заявляло, что, политика Великобритании направлена на то, чтобы запретить проявление любой деятельности, касающейся развития новых предприятий или использования активов концессий, вероятно ранее приобретенных ради стабильности будущей власти, которая должна будет определить судьбу недр Палестины. В соответствии с данным, «открывать оккупированные территории для старателей во время временного военного пребывания было бы крайне нежелательно, поскольку это неизбежно привело бы к наплыву спекулянтов и других лиц, которые под видом простого расследования стремились бы получить определенные и исключительные права или возможности [варианты?] от местных землевладельцев» [6].

По итогу, отсутствие компромисса в рамках обозначившегося спора за нефтяные концессии в Палестине отложило разрешение данного конфликта на несколько лет. Однако достигнутые в 1921 г. договоренности наиболее разумно называть временными полумерами. Из официального обращения Х.Э. Коула, вице-президента «Standard Oil Company of New York» к госсекретарю США от 17 ноября 1921г. известно, что в основу нового формата взаимоотношений был положен список, по сути, в большей части неприемлемых для компании условий. Руководство компании вынуждено было согласиться, что в настоящее время исследования проводятся с целью выяснения того, имеется ли в таких районах нефть в подлежащих оплате количествах, и что они должны проводиться при том понимании, что разрешение со стороны правительства Палестины и/или Великобритании предоставляется без относительно того, являются ли претензии компании законным», но не было готово признать что рассмотрение претензий с их стороны будет отложена до вступления в силу Международного договора с Турцией и официального установления режима Мандата[7].

Ситуация в Подмандатной Палестине, сложившаяся под влиянием неразрешенных противоречий Парижской конференции, вместе с тем развивалась в направлении результатов,

которые были достигнуты по ее итогам. В этом отношении Палестина выступала частной производной из общемировых тенденций.

Дипломатическая позиция США основывалась на экономическом экспансионизме “доктрины открытых дверей” и рассматривала палестинский регион, как ворота к стратегическим ресурсам в Месопотамии. Проводниками данного влияния выступали как государственные органы власти, так и представители частной коммерческих сферы. Которые в действительности обладали определенной автономией друг от друга, но при этом оказывали взаимное влияние. Осознавая, значение национального фактора, являвшегося одним из формирующих столпов ситуации в Палестине, следует выделить наличие в данной категории особой составляющей. Определённые круги американской финансово-промышленной элиты: являющиеся этнически евреями и/или имеющие собственное видение по осуществлению проекта «национального очага» в Палестине.

Рассматривая позицию Великобритании, следует отметить, что в противоположность США выбранную ей стратегию можно охарактеризовать как «политический протекционизм». Победоносные завоевания Первой Мировой войны вызвали качественные необратимые изменения в сложной структуре Британской империи. По этой причине, такие политические успехи как получение фактического контроля над новым международным институтом – Лига Наций и Мандатной системой, стали в долгосрочной перспективе источником нарастания кризиса.

Библиографический список

1. Бань Гу. Хань Шу ("История Хань") в 8 томах. – М. "Восточная литература". Т. 1. 2021.
2. Сабанин А.В. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. // Вып. VIII. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу после 1 января 1933 года / сост. и ред. А.В. Сабанин, В.О. Броун. – М.: НКВД. 1935. – 362 с.
3. 2. The United Nation Office at Geneva [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ungeneva.org/en/about/league-of-nations/covenant> (дата обращения: 05.04.2025).
4. 3. FRUS. 1920, V. 02 /gen. ed. T. Dennet, ed. J. V. Fuller. W.: United States Government Printing Office, 1936.
5. 4. Шаповалов М. С. Общественно-политическая борьба в Великобритании вокруг мандата на Палестину. 1920-1922 гг. // Вопросы истории.– 2010– № 12 С. 92 – 102.
6. 5. UK Parliament. House of Lord [Электронный ресурс]. URL: <https://hansard.parliament.uk/Lords/1920-06-29> (дата обращения: 05.04.2025).
7. 6. FRUS. 1919, V. 02 / gen. ed. T. Dennet, ed. J. V. Fuller. W.: United States Government Printing Office, 1934.
8. 7. FRUS. 1921, V. 02 /gen. ed. T. Dennet, ed. J. V. Fuller. W.: United States Government Printing Office, 1936.

Сведения об авторе:

Гришин Никита Олегович, аспирант, кафедра Всеобщей истории, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, e-mail: GrishinNO@studkglg.ru

УДК 94. 327.2 327.3

А. С. Ходнев

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЛИГА НАЦИЙ В ЭПОХУ ИНТЕРБЕЛЛУМА: СТАРЫЕ ПРИВЫЧКИ И ДОСТИЖЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: В статье исследованы проблемы влияния мандатной системы Лиги Наций на колониальный вопрос в межвоенный период. Для интерпретации этого сюжета были использованы документы из недавно оцифрованного архива ЛН, хранящегося в библиотеке ООН в Женеве. Колониализм и колониальные захваты заморских территорий – важная часть всемирной истории нового и новейшего времени. После Первой мировой войны была создана мандатная система Лиги Наций с целью замены прямой аннексии на интернационализацию управления бывшими колониями Германии и Османской империи. Мандатную систему рассчитывали сделать инструментом, с помощью которого реформировать имперский порядок управления колониями. Главная идея и цель мандатной системы – это подготовка народов к самостоятельному управлению и «цивилизации». Требования, параметры и временные рамки решения этой задачи выглядели малопонятными. Политические силы в Германии выбрали тактику давления на Лигу Наций, защищая международное право и 22-ю статью Пакта Лиги Наций. Мандатная система Лиги Наций не привела к отмене практик и идеологии колониализма, но внесла в этот феномен новые черты. Благодаря деятельности экспертов в Постоянной мандатной комиссии ЛН утвердилась идея международной опеки, которая была продолжена в деятельности ООН. Общественное осуждение некоторых черт колониализма расшатывало здания заморских империй. Интернационализация экономической и культурной жизни также приносила свои плоды в области образования и медицинского обслуживания благодаря обсуждению этих проблем в ПМК Лиги Наций.

Ключевые слова: колониализм, империи, Лига Наций, аннексия, мандаты, мандатная система, интернационализация управления.

Khodnev A. S. Colonial Problems and the League of Nations in the Age of Interbellum: Old Habits and Accomplishments of the International Organization

Abstract: The article examines the influence of the League of Nations mandate system on colonial issues in the interwar period. To interpret this topic, documents from the recently digitized LON archive stored in the UN Library in Geneva were used. Colonialism and colonial seizures of overseas territories are an important part of world history of modern and contemporary times. After World War I, the League of Nations mandate system was created with the aim of replacing direct annexation with internationalization of the governance of the former colonies of Germany and the Ottoman Empire. The mandate system was expected to become an instrument for reforming the imperial order of colonial governance. The main idea and goal of the mandate system was to prepare people for independent governance and "civilization". The requirements, parameters and periods for solving this problem seemed unclear. Political forces in Germany chose the tactics of putting pressure on the League of Nations, defending international law and Article 22 of the Covenant of the League of Nations. The mandate system of the League of Nations did not lead to the abolition of the practices and ideology of colonialism, but it introduced new features into this phenomenon. Thanks to the work of experts in the Permanent Mandates Commission of the League of Nations, the idea of international trusteeship was established, which was continued in the activities of the UN. Public condemnation of some features of colonialism shook the edifices of overseas empires. The internationalization of economic and cultural life also bore fruit in the field of education and medical care, thanks to the discussion of these problems in the PMC of the League of Nations.

Keywords: colonialism, empires, the League of Nations, annexation, mandate system, internationalization of governance.

Колониализм, империи – это сама мировая история нового и новейшего времени. Т. Хайдн отметил, что в начале двадцатого века империя считалась в обществе «однозначно положительной частью британского бытия; частью того, что делало Британию “великой”» [10, р. 24]. Ссылаясь на подсчеты историков, Хайдн подчеркнул, что «большинство стран либо имели какую-то форму империи в прошлом, либо были частью чьей-то империи на протяжении своей истории» [10, р. 23].

Историография колониализма и решения проблем в этой сфере в международных организациях, частности в Лиге Наций (ЛН) в последние два десятилетия переживает сравнительно заметный подъем. Научные исследования ЛН до 1990-х годов в основном объясняли, почему она потерпела неудачу. В 1980-е историки, кроме «самых эксцентричных», по наблюдениям Маргарет Макмиллан, вообще забросили изучение ЛН [16]. В 2007 г. вышла важная обзорная статья профессора Колумбийского университета в Нью-Йорке С. Педерсен в «Американ историкал ревью» [20], в которой автор подчеркивала актуальность обращения к истории ЛН межвоенного периода связи с окончанием холодной войны, и изучения некоторых черт в истории Интербеллума, например, многосторонней дипломатии в международной организации в многополюсном миропорядке. Интересное исследование С. Педерсен истории политической опеки заморских территорий в Лиге Наций и ее влияния на начало кризиса колониальных империй появилось в 2015 г. [21]. А.М. Фомин исследовал начало истории мандатной системы на Ближнем Востоке и противоречия между Великобританией и Францией [4, 5]. Г. Н. Валиахметова изучила роль экономических факторов и нефти в истории окончания британского мандата на Ирак в 1932 г. [1]. А.В. Сагимбаев в исследовании эволюции колониальной стратегии и политики Великобритании в межвоенный период выделил важное направление – активное участие Великобритании в формировании мандатной системы ЛН [3]. Английский историк М. Каллахан подробно описал дискуссии, появившиеся в Великобритании при адаптации в политических кругах к мандатную систему ЛН. [7].

Некоторые историки новой волны исследований ЛН стремились осмыслить, как она функционировала, и какой на самом деле была активность Лиги не только в ландшафте «высокой политики». Появились исследования здравоохранения, экономики и финансов, интеллектуального сотрудничества, международного права, социальных вопросов в деятельности ЛН. Целью этих изысканий было осмыслить, как действовали разные политические силы, как формировались сети экспертов, группы интересов, которые были сосредоточены в Женеве. Это связано с объединением усилий последователей нового транснационального поворота в историографии. Интересное начинание – сетевая просопография активных участников ЛН. Сетевой анализ основывается на данных базы «League of Nations Search Engine – LONSEA» – «Поисковой системы Лиги Наций», созданной более десять лет назад в Гейдельбергском университете, состоящей из ключевой биографической информации (имя, возраст, пол, национальность), а также контрактной информации – должность, начало и окончание контракта, всех сотрудников Секретариата Лиги [13]

Цель, поставленная в этой статье – при помощи архива ЛН в Женеве исследовать что нового принесла Лига в решение колониального вопроса в межвоенный период, стала ли деятельность Лиги по интернационализации колониальных проблем началом конца колониальных империй?

Для интерпретации этого сюжета были использованы документы из недавно оцифрованного архива ЛН, хранящегося в библиотеке ООН в Женеве: решения и протоколы заседаний Совета ЛН и ПМК, делопроизводственные документы Секретариата ЛН и ПМК, деловая переписка сотрудников Секретариата ЛН, подборки вырезок из прессы информационного отдела Секретариата ЛН [14].

История Интербеллума в первой половине XX века получилась весьма недолгой. Мировой порядок, созданный на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., а затем достроенный соглашениями в Вашингтоне в 1921–1922 гг. не вызывал особого доверия у современников, а оценки миропорядка как временного перемирия высказывали неоднократно. Современная историография в основных оценках изображает время Интербеллума как череду кризисов и движения к новой мировой войне. Значительная часть глобального порядка была

связана с колониальными интересами главных держав Европы и США в расширении внешних рынков и источников разных полезных ископаемых, находившихся на заморских территориях.

Несмотря на то, Первая мировая война разрушила несколько империй: исчезла Германская империя, Австро-Венгрия, Османская империя, Российская империя, в создании нового мирового порядка участвовали Франция, Великобритания, имевшие большие заморские колониальные владения. К ним присоединились Япония и Португалия, которые держались за свои колонии и имели планы их расширения.

Акиро Ирие к характеристике миропорядка межвоенного периода употребил следующее описание: «имперские державы вступили в сговор друг с другом, чтобы держать население своих колоний под жестким контролем. Мировой порядок, который они установили, подразумевал разделение человечества на правителей и управляемых, сильных и слабых, “цивилизованных” и “нецивилизованных”» [11, p. 110].

У США были свои планы расширения влияния в мире несмотря на то, что «Вильсонский момент» быстро заменили на политику изоляционизма президента Гардинга. «Вильсонский момент», по определению Э. Манилы это активная деятельность президента США В. Вильсона с осени 1918 по весну 1919 г., положившая начало процессу трансформации норм и стандартов международных отношений, которая установила «национальное государство как единственную законную политическую форму во всем мире» в противовес империи. [18, p. 5]. Термин «момент» подчеркивает скоротечность влияния США на конструирование мирового порядка. В. Вильсон в пункте 5 своих «Четырнадцати пунктов» заявил о «беспристрастном урегулировании колониальных претензий», которое учитывало бы как интересы колониальных держав, так и «интересы заинтересованных народов» [25, p. 43]. Это породило большие ожидания со стороны колониальных народов и их представителей во время конференции в Париже в 1919 г. Однако Э. Манела не переоценивает успехи В. Вильсона: «“Вильсонский момент” закончился позорным крахом, его обещания превратились в горькое разочарование» [18, p. 6].

Тем не менее, после версальского урегулирования колониальные империи не смогли полностью вернуться к прежним порядкам и аннексировать колонии Германии и Османской империи. Мир до Первой мировой войны был сформирован на основе договоров о разделе колониальных владений. Решениями Берлинской конференции по Африке (1884–1885), главным бенефициаром, которой считался бельгийский монарх Леопольд II, получивший огромную территорию Конго и превративший ее в свое личное владение, Африку разделили между европейскими державами. Вопрос о границах захваченных в Африке территорий стал существенным в международных отношениях. Эти границы в основном сохранились и после обретения независимости африканскими государствами. По подсчетам М. Ферро, Великобритания подписала около 30 соглашений о границах в Африке с Португалией, 25 с Германией, 149 с Францией. Были заключены также десятки «договоров» с африканцами, Франция заключила 118 из них с 1819 по 1880 год и еще 126 до 1914 года. Г. М. Стэнли заключил 257 подобных «соглашений» [9, p. 72]

В сложной ситуации после Первой мировой войны, с туманными формулировками В. Вильсона о «справедливых решениях колониального вопроса» простой раздел, аннексия и присоединение германских и турецких территорий к империям держав-победительниц не вписывались в благие пожелания нового миропорядка.

Германии не хотела терять свои колонии, но ее требованиям никто не собрался уступать. Вопрос невозвращения колоний Германии и о создании мандатной системы был окончательно решен на совещании 30 января 1919 г. В. Вильсона, Ж. Клемансо и Д. Ллойд Джорджа в Париже в кабинете министра иностранных дел Франции С. Пишона [8].

Возникла идея интернационализации управления колониями по мандатам ЛН. По мнению Ф. Лугарда, известного британского колониального чиновника и члена Постоянной Мандатной комиссии ЛН (ПМК), первым о принципе интернационализации заявил в мае 1917 министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур: «Мое твердое убеждение в том, что колонии не должны быть возвращены Германии. К туземцам, особенно африканцам, относились по-варварски настолько безнравственно, что было бы не по-человечески вернуть власть немцев. Но не дай Бог нам еще больше расширить Британскую империю! Кроме этого, нам надо избежать критики участия в войне за расширение территории, а это не было, и не является нашей целью. Если нам помогут США, моё желание, чтобы германские колонии были интернационализированы» [15, р. 536].

Интернационализация колоний соответствовала идеям В. Вильсона. Необходимо было, по его воззрению, создать Лигу Наций, в ней построить мандатную систему для распределения и управление отнятыми у Германии и Турции колониальными территориями. Мандат, выдаваемый Лигой, рассматривался как конституция, дающая право управлять территорией на основе неких международных правил и ограничений. Эта система могла бы стать инструментом, с помощью которого возникала возможность реформировать имперский порядок управления колониями. Но она не многое изменила в реальности. Обязательный надзор со стороны ЛН, ежегодные отчеты мандатариев об управлении должны были, по мысли либеральных интернационалистов, сделать имперское правление более гуманным, и «поднять» население до уровня «цивилизованности», подготовить его к самоуправлению. Однако мандатная система ЛН не справилась с этой задачей. Самое большее, что изменила интернационализация – мандатная система ЛН стала средством, при помощи которого определенные политические вопросы и функции перемещались из национальной или имперской сферы в дискуссии и экспертные заключения международной организации. С созданием мандатной системы по статье 22 Пакта Лиги Наций, основной части Версальского договора, появилась и активно развивалась постоянная «практика использования международных механизмов и международной арены» в качестве среды решения колониальных проблем [21, р. 399].

Интернационализация могла работать только при более или менее согласованной политике держав в межвоенный период. Известно, что в Лиге Наций действовал принцип консенсуса при принятии решений, однако добиваться этого единства было очень трудно в условиях столкновения разных национальных интересов и групп влияния. Великие державы часто поступали просто в этой ситуации: «не желая брать на себя слишком глубокие обязательства, они с радостью подбрасывали некоторые проблемы под дверь Лиги» [20, р. 1108].

Главная идея и цель мандатной системы – это подготовка народов к самостоятельному управлению и «цивилизованности». Несомненно, что никто не пояснял, что такое «цивилизованность», и как достичь народам уровня самостоятельности в управлении. Тем не менее ссылки на естественное право «цивилизованных» народов управлять «нецивилизованными» были нормой в политике и международных отношениях межвоенного периода.

Стран, назначенных Лигой иметь мандаты на управление колониями Германии и Османской империи, было семь: Великобритания, Франция, Япония, Бельгия, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз. Подмандатных территорий было 14. В соответствии с приблизительно определяемым уровнем «цивилизованности» и готовности к самостоятельному управлению мандаты были поделены на три категории. В мандатах «А» (Территории на Ближнем Востоке) и «В» (Немецкие колонии в Африке), по требованию США предусматривался принцип открытых дверей, в частности, равноправная торговля со всеми стран-членами Лиги и США, которые не вошли в ЛН. Мандаты категории «В» и «С» (Юго-Западная Африка и острова в Тихом Океане) содержали ряд положений, направленных на защиту местного

населения от рабства, торговли спиртными напитками и использования принудительного труда, за исключением необходимых общественных работ в обмен на адекватное вознаграждение. Во всех мандатах содержалось положение о ежегодных отчетах, представляемых Лиге об управление каждой территорией. В соответствии с Уставом эти ежегодные отчеты направляются на рассмотрение в Постоянную мандатную комиссию (ПМК) Лиги [12, р. 5–6].

Второе важное обстоятельство было связано с составом и состоянием дел в ПМК. Благодаря прежде всего усилиям молодого активного дипломата Ф. Ноэля-Бейкера, приверженца лейбористских взглядов левого направления с сильным акцентом на анти-империализм и других в Секретариате ЛН [7, р. 68], ПМК превратилась во влиятельный орган, в котором работали помимо представителей старых колониальных империй, были и делегаты стран, не имевших заморских владений. В состав Комиссии входили 10, а затем 11 членов. Четверо из этих членов были представителями мандатариев, управлявших заморскими территориями, семеро – уполномоченные из «незаинтересованных» государств, и одно место занимала Международная организация труда (МОТ). Одним из самых уважаемых членов ПМК с 1922 по 1936 г. был известный колониальный чиновник Фредерик Лугард, служивший колониальным администратором нескольких африканских территорий. Не менее опытными колониальными администраторами были в прошлом другие члены ПМК: Д. Ф. В. Ван Рис (Нидерланды), П. Орте (Бельгия), М. А. Мерлен, А. Ф. д'Анраде (Португалия), Л. Кастл (Германия с 1927 г.). Это дало повод С. Педерсен написать, что ПМК оставалась «в значительной степени клубом империалистов», поскольку пятеро из девяти первых членов были отставными колониальными губернаторами или высокопоставленными чиновниками. К середине 1920-х годов Комиссия «стала напоминать курорт для отставных африканских губернаторов» [21, р. 62]. Однако влияние ПМК в ЛН следует признать достаточно высоким.

При создании мандатной системы на Секретариат ЛН, занимавшийся технической работой в этом направлении, было оказано давление разных группировок и центров силы. Помимо участия в создании системы старых колониальных держав, которые не хотели перемен в политике колониализма, новые международные неправительственные союзы и организации хотели наделить ЛН правами защиты интересов коренных жителей. Выделяются два случая подобных попыток оказать давление на ЛН. Первая история бы связана с активностью международных женских организаций, стремившихся повлиять на повестку дня Лиги Наций. 16 июля 1920 г. в Лондоне, где проходило формирование Секретариата ЛН, на встрече Генерального секретаря ЛН Э. Драммонда и депутации Международного альянса за избирательные права женщин было решено ввести в состав ПМК женщину [24]. Две дамы работали в ПМК: представительница Швеции Бугге Виксель, а затем норвежка Валентин Данневиг. Они часто делали замечания в адрес мандатариев о недостатках в школьном образовании и необходимость давать образование как девочкам, так и мальчикам в подмандатных территориях. Вторая попытка повлиять на формирование ПМК ЛН и включать в ее состав представителя коренных народов мандатных территорий был связана с работой второго Пан-Африканского конгресса в 1921 г. Афроамериканский интеллектуал У. Э. Б. Дюбуа, организатор конгресса, призвал ввести в состав Комиссии «человека африканского происхождения» [19]. Однако никакого ответа на это требование ни из Совета ЛН, ни из Секретариата ЛН не было. В этой переписке 1921 г. и более поздних документах Лиги обращает на себя внимание частое употребление нетактичных терминов: «черный человек», «негры», «черный народ». В ЛН практически не было людей, сомневавшихся в существовании в подмандатных территориях и колониях, особенно в Африке, «отсталых», «нецивилизованных» народов, нуждавшихся в опеке и внешнем управлении.

В Совете ЛН, ПМК и Секретариате в 1920-х – 1930-х постоянно сталкивались две точки зрения на колониальный вопрос: сторонники первой, ее можно условно назвать «интернационалистской», утверждали, что международное сотрудничество может смягчить национальные антагонизмы и что «коренными народами» следует управлять в их собственных интересах, а не в интересах имперских держав. Сторонники второй, полагали, что нужно все оставить как было до 1914 г. и управлять колониями в интересах империй и их метрополий.

Колониальный вопрос в Лиге Наций рассматривался в основном в отношении территорий управляемых по мандату ЛН. Однако в Секретариате ЛН внимательно следили за общими колониальными проблемами и собирали подробную информацию в виде выпусков сообщений и вырезок из прессы о жизни в колониях. Эти материалы использовали как члены ПМК для подготовки заседаний, так и другие органы Лиги.

Державы Лиги должны были соблюдать суверенитет государств (статья 10 Пакта ЛН), не вмешиваться в проблемы внутренней политики. Это существенно ограничило возможности главного органа Лиги для наблюдения за жизнью колониальной периферии мандатной комиссии. ПМК, например, не имела права посылать своих представителей в подмандатные и иные колониальные территории. Дело ограничивалось рассмотрением ежегодных правительственных отчетов об управлении.

По новым правилам у населения подмандатных территорий появились некие личные права. Например, в первые годы существования ЛН любой гражданин такой территории мог направить жалобу-петицию в Женеву. Однако, когда стало ясно, что с большим потоком петиций в ПМК и Совете ЛН не могут справиться, а Секретариат ЛН стал похож на почтовое отделение, в Лиге приняли решение рассматривать только коллективные письма.

Напряженность вокруг мандатных территорий и деятельности ПМК ЛН возросла после того, как был подписан Версальский договор, и Германия начала процесс полноценного возвращения в мировое сообщество. Бывший губернатор Германской Восточной Африки Г. Шнее в 1920-х развернул активную работу по дискредитации новых правителей бывших германских владений в Африке. Эксперт по колониальным владениям Франции Камиль Фидель сообщал 24 марта 1922 г. в меморандуме членам ПМК ЛН о том, что Г. Шнее выступил с докладом о «современном положении бывших немецких колоний» на съезде Немецкого крестьянского общества, в котором заявил, что на территориях «наблюдались серьезные злоупотребления». Вывод Шнее о деятельности новых правителей в бывших немецких колониях должен был свидетельствовать о провале мандатной системы ЛН: «То, что мы создали годами труда, было уничтожено, и нигде не было заменено чем-либо сопоставимым. Колонии, из которых были изгнаны немцы, представляют собой образец абсолютного застоя и непоправимого упадка, как с экономической, так и с моральной точки зрения» [22]. Однако в запале ревизионизма Г. Шнее часто давал ложную информацию. В июне 1922 г. министерство иностранных дел Бельгии уведомило Генерального секретаря ЛН Э. Драммонда о том, что Г. Шнее вводил в заблуждение общественное мнение, обвиняя бельгийские власти подмандатной территории Руанды-Урунди в плохом управлении и бездействии против эпидемии сонной болезни. [6].

Политические силы в Германии выбрали своеобразную тактику давления на ЛН и державы получившие мандаты на управление бывшими германскими владениями. Они заявляли, что защищают международное право и 22-ю статью Пакта Лиги Наций. В Германии надеялись, что после урегулирования и вступления в ЛН, можно будет получить мандаты на управление какими-то прежними владениями. 6 июня 1925 г. во время переговоров союзников о нормализации отношений с Германией и принятия ее в Лигу Наций «Немецкая ассоциация за права народов» принимает развернутую резолюцию по докладу председателя суда Симона, профессора Флейшманна и тайного советника Галле о международной юрисдикции

«колониальных мандатов» [26]. В резолюции подчеркивалась важность выполнения державами, которым поручено управление колониями, отобранными у Германии, всех обязанностей «в соответствии с принципами, изложенными в статье 22 Статута Лиги Наций. Мандатная система подразумевает опеку мандатной державы, установленную «исключительно в интересах материального и морального развития, а также социального прогресса населения соответствующих территорий» [26].

Как оценивали результаты деятельности ПМК в межвоенный период? Мы имеем несколько свидетельств, в которых сделана попытка мониторинга мандатной системы и деятельности ПМК из внутреннего мира ЛН. Например, в 1927 г. Х. Гилкрест, сотрудник секции мандатов Секретариата ЛН подготовил доклад «Империализм и система мандатов». Среди достижений в деятельности ПМК автор указал на рекомендации изменить тексты законов для ряда подмандатных территорий: Французского Того и Камеруна, Юго-Западной Африки. Дело в том, что Франция и Южно-Африканский Союз называли в этих документах подмандатные территории, суверенитет которых регулировала ЛН, неотъемлемыми частями своих владений. Это было нарушение 22-й статьи Пакта ЛН, и ПМК и Совет ЛН потребовали изменить законы. Среди позитивных перемен, связанным с деятельностью ЛН в колониальном мире, Гилкрест назвал координирование международного сотрудничества в социальных, медицинских, экономических, финансовых вопросах, а также то, что система мандатов «действовала не только как сдерживающий фактор империалистических тенденций, но и как позитивная сила для улучшения условий в интересах коренных народов» [12, р. 27]. В ЛН надеялись, что примеры подмандатных территорий установят высокий стандарт колониального управления, который будет использоваться в качестве образца всеми колониальными империями повсеместно.

В 1931 г. ПМК обсудила и приняла рекомендацию по вопросу о критериях окончания мандатного правления и предоставления независимости. Заключение ПМК по этому вопросу было принято в июне 1931 г. Утверждено Советом ЛН 4 сентября 1931. В нем содержались общие требования и два класса предварительных условий. В общих требованиях говорилось о том, что завершение мандатного правления может произойти только в результате «тщательного» и длительного «наблюдения за политическим, социальным и экономическим развитием каждой территории», указывающего на «способность политического сообщества быть самостоятельным и поддерживать свое собственное существование в качестве независимого государства» [23]. Наблюдать должно было государство, управлявшее мандатом, и все зависело от политических интересов правительства мандатария. В первом кластере условий говорилось о том, что, бывшая подмандатная территория должна иметь «устоявшееся правительство и администрацию», «поддерживать свою территориальную целостность и политическую независимость», «поддерживать общественное спокойствие», «иметь в своем распоряжении достаточные финансовые ресурсы» и «должно иметь законы и судебную организацию». Вторым кластер критериев конца мандата ЛН требовал «эффективную защиту расовых, языковых и религиозных меньшинств», сохранение «привилегий и иммунитетов иностранцев (на территориях Ближнего Востока)», «свободу совести и публичного богослужения», «финансовые обязательства перед бывшей мандатной державой», «сохранение прав любого рода, законно приобретенных в рамках режима мандата», «сохранение в силе на соответствующий срок международных конвенций, как общих, так и специальных, к которым в течение мандата присоединилась мандатная держава от имени подмандатной территории» [23]. Как видим, выполнение этих требований сохраняло зависимость подмандатной территории от мандатария, даже в случае окончания мандата и получения независимости.

В апреле 1945 г., когда мировое сообщество обсуждало на конференции в Сан-Франциско Устав ООН, в Женеве был подготовлен специальный доклад о результатах

существования мандатной системы ЛН. В последней части этого текста в качестве главного критерия оценки успешности системы выбраны «темпы прироста населения, рождаемость, заболеваемость и смертность» [17]. Конечно, это был технический подход к оценке достижений мандатного периода, далекий от главной политической цели мандатного правления: подготовки народов к самостоятельному управлению.

Таким образом, конца колониальных империй во время Интербеллума не было заметно, и никто это всерьез в ЛН не прогнозировал. Получение «независимости» подмандатным Ираком (1932) не стало заметным и поворотным событием. Одной из причин неглубоких перемен в колониальном мире, связанных с мандатной системой ЛН была краткость межвоенной эпохи, которая была наполнена политическими и экономическими потрясениями.

Однако без международных практик, связей, сетей и идеологии, которые начали формироваться в межвоенный период в Лиге Наций, а затем были усилены и трансформированы в глобальном конфликте Второй мировой войны, не могло быть и деколонизации во второй половине XX в.

Мандатная система Лиги Наций не привела к отмене практик и идеологии колониализма, но внесла в этот феномен новые черты. Например, благодаря деятельности ЛН и ПМК утвердилась идея международной опеки, которая была продолжена в деятельности ООН. Распространение новостей о колониальных конфликтах, осуждение некоторых черт колониализма, закрепленное в рекомендациях ПМК ЛН делали свое дело, расшатывая здания заморских империй. Совершенно новая практика петиционных кампаний предоставила возможности давления на мировое сообщество и международную организацию в Женеве группам интересов в подмандатных территориях. Интернационализация экономической и культурной жизни также приносила свои плоды в области образования и медицинского обслуживания благодаря обсуждению этих проблем в ПМК Лиги Наций.

Библиографический список

1. Валиахметова Г. Н. Нефть и независимость. к истории отмены британского мандата на Ирак 1928–1932 гг. Москва.: Институт востоковедения РАН, 2009. 224 с.
2. Пегушев А. М. Происхождение Первой мировой войны: к вопросу о роли колониальных противоречий // Первая мировая война. Пролог XX века. Отв. ред. В. Л. Мальков. Москва: Наука, 1998. С. 62–65.
3. Сагимбаев А.В. Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации. Москва: ЦИОГНИС, 2018. 528 с.
4. Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 449 с.
5. Фомин А.М. Формирование мандатной системы на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. 1920–1924 годы // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 17–36.
6. Administration by Belgium of former German East African Territory - Minister for Foreign Affairs, Bruxelles - With reference to statements recently made by Dr. Schnee. 1922. The League of Nations Archives (LON Archives). Geneve. Reference code: R41/1/21421/16331. URL: <https://archives.ungeneva.org/administration-by-belgium-of-former-german-east-african-territory-minister-for-foreign-affairs-bruxelles-with-reference-to-statements-recently-made-by-dr-schnee-late-governor-of-this-territory-alleging-neglect-by-the-belgian-government> (Дата обращения 15.04.2025)
7. Callahan M. Mandates and Empire: The League of Nations and Africa. Brighton: Sussex Academic Press, 1999. 297 p.

8. Extracts from a conversation held in Monsieur Pichon's room at the Quai d'Orsay on 30 January 1919 concerning the raising of Black Troops. LON Archives. Geneve. Reference code: R1/1/1225/161. URL: <https://archives.ungeneva.org/mandates-commission-peace-conference-extracts-from-a-conversation-held-in-monsieur-pichons-room-at-the-quai-dorsay-on-30-january-1919-concerning-the-raising-of-black-troops-taken-to-paris-14-september> (Дата обращения 15.04.2025)
9. Ferro M. *Colonization: A Global History*. London: Routledge, 1997. 416 p.
10. Haydn, Terry. How and What Should We Teach About the British Empire in English Schools? // *Colonialism, Decolonization and Post-colonial Historical Perspectives: Challenges for History Didactics and History Teaching in a Globalizing World*. International Society for History Didactics Yearbook. Vol. 35. Schwalbach: Wochen Schau Verlag, 2014. P. 23–40.
11. Iriye A. Beyond Imperialism: The New Internationalism // *Daedalus*. 2005. Vol. 134. No. 2. P. 108–116.
12. Gilchrist H. *Imperialism and the Mandates System*. New York: The League of Nations Non-Partisan Association, Inc., 1928. 34 p.
13. LONSEA (Поисковая система Лиги Наций). URL: <https://lonsea.de/> (Дата обращения 15.04.2025)
14. LONTAD: Total Digital Access to the League of Nations Archives. URL: <https://libraryresources.unog.ch/lontad> (Дата обращения 15.04.2025)
15. Lugard F. The Mandate System and the British Mandate // *Journal of the Royal Society of Arts*. 1924. Vol. 72. No 3736. P. 535 –550.
16. MacMillan M. *Paris 1919: Six Months that Changed the World*. New York: Random House, 2002. 570 p.
17. The Mandates System. Origin, Principles, Application. LON Archives. Geneve. 1945–04 (Creation). Reference Code: VI-A-Mandates-1945-VI-A-1_EN. URL: <https://archives.ungeneva.org/wgwk-rtkm-sd9m> (Дата обращения 15.04.2025)
18. Manela E. *The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism*. New York: Oxford University Press, 2007. 331 p.
19. 2nd Pan-African Congress, August-September 1921 – Mr. Burghardt Du Bois transmits the petitions and resolutions of this Congress. LON Archives. Geneve. Reference Code: R39/1/15865/13940. URL: <https://archives.ungeneva.org/2nd-pan-african-congress-august-september-1921-mr-burghardt-du-bois-transmits-the-petitions-and-resolutions-of-this-congress-and-asks-that-copies-of-them-be-distributed-to-the-members-of-the-council-and-of-the-assembly> (Дата обращения 15.04.2025)
20. Pedersen S. Back to the League of Nations // *American Historical Review*. 2007. Vol. 112. Issue 4. P. 1091–1117.
21. Pedersen S. *The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire*. New York: Oxford University Press, 2015. 571 p.
22. Permanent Mandates Commission - Documents distributed to the Commission members, April 1922. LON Archives. Geneve. Reference code: S241/1/30/7. URL: <https://archives.ungeneva.org/permanent-mandates-commission-documents-distributed-to-the-commission-members-april-1922> (Дата обращения 15.04.2025)
23. Permanent Mandates Commission - Discussions on conditions which must be fulfilled to end a Mandate. LON Archives. Geneve. Reference code: S1610/2/3/2. URL: <https://archives.ungeneva.org/permanent-mandates-commission-discussions-on-conditions-which-must-be-fulfilled-to-end-a-mandate> (Дата обращения 15.04.2025)
24. Report of Meeting Between the Secretary-General and a Deputation of the International Woman Suffrage Alliance, at Sunderland House, on 16th July 1920. LON Archives. Geneve. Reference Code: C_1919-1920_20-6-56_EN. URL: <https://archives.ungeneva.org/report-of-meeting-between-the-secretary-general-and-a-deputation-of-the-international-woman-suffrage-alliance-at-sunderland-house-on-16th-july-1920> (Дата обращения 15.04.2025)
25. Steiner Z. *The Lights that Failed: European International History 1919–1933*. New York: Oxford University Press, 2005. 938 p.

26. The System of Mandates – Secretariat – Resolutions of the German Association for the Right of People. C.P.M.251. LON Archives. Geneve. Reference Code: R4/1/44916/161. URL: <https://archives.ungeneva.org/le-systeme-des-mandats-secretariat-resolutions-de-lassociation-allemande-pour-le-droit-des-gens-c-p-m-251> (Дата обращения 15.04.2025).

Сведения об авторе:

Ходнев Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, e-mail: khodnev@yandex.ru

ИДЕЯ ИМПЕРИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

УДК 930:94

С. В. Артамошин

РАЗМЫШЛЕНИЯ О. ШПЕНГЛЕРА О БУДУЩЕЙ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: Статья посвящена консервативному проекту будущего Германского рейха, разработанному консервативным мыслителем Веймарской республики Освальдом Шпенглером. Проект будущей государственной системы сочетался у него с критическим осмыслением германского государства и ситуации в европейской культуре после окончания Великой войны. Анализ О. Шпенглера представлял собой один из концептуальных проектов альтернативы Веймарской республике, разрабатываемых в рамках интеллектуального течения консервативной революции.

Ключевые слова: О. Шпенглер, консервативная революция, германский рейх, Веймарская республика, Великая война 1914-1918 гг.

Artamoshin S. V. O. Spengler's Reflections on the Future German Empire.

Abstract: This article examines the conservative project for a future German Reich developed by Oswald Spengler, a conservative thinker during the Weimar Republic. He combined this project for a future state system with a critical understanding of the German state and the situation in European culture after the end of the Great War. Spengler's analysis represented one of the conceptual projects for an alternative to the Weimar Republic, developed within the intellectual movement of the Conservative Revolution.

Keywords: O. Spengler, conservative revolution, German Reich, Weimar Republic, Great War of 1914-1918.

Критический анализ современности, предпринятый германским философом и консервативным публицистом Освальдом Шпенглером после окончания Великой войны нашел свое отражение как в его историко-философском сочинении, так и в публицистических работах, положивших начало критике Веймарской республики со стороны представителей консервативной революции.

Дихотомия культура-цивилизация, столь характерная для германской интеллектуальной мысли начала XX века не стала исключением и для О. Шпенглера, который выстраивает свою концепцию исторической морфологии на данном положении, видя в цивилизации «неизбежную судьбу культуры», представляющую начала конца взаимосвязи человеческой культуры с природой, находившей свое отражение в усилении процесса урбанизации [2. С. 163-165]. Возникновение мегаполисов создает процесс ассимиляции масс населения в единое космополитическое образование, в котором национальные черты нивелируются и человек представляет собой тип «интеллектуального кочевника» [3. С. 92]. Кризис традиционного общества представлял собой общий кризис культуры, наступление духовного и политического нигилизма. Как отмечал О. Шпенглер в 1933 г., «дурные манеры всех парламентов, всеобщее стремление участвовать в темных делах, сулящих денег без всякого труда, джаз и негритянские танцы как духовное выражение всех кругов, стремление женщин краситься подобно

проституткам, тяга литераторов под возгласы всеобщего одобрения высмеивать в своих романах и пьесах строгие взгляды приличного общества, а также дурная склонность – распространившаяся даже среди представителей аристократии и древних княжеских родов – избавиться от любого общественного принуждения и любого древнего обычая – все это доказывает, что теперь тон задает чернь. <...> Такова тенденция нигилизма: никто не думает о том, чтобы поднять массы до высоты настоящей культуры; это хлопотно и неудобно, возможно отсутствуют и определенные предпосылки. Напротив - строение общества должно быть выровнено до уровня сброда. Должно царить всеобщее равенство: все должно быть одинаково пошлым. <...> Превосходство, манеры, вкус, любой внутренний ранг являются преступлениями. Этические, религиозные и национальные идеи, брак ради детей, семья и государственный суверенитет кажутся старомодными и реакционными» [1. С. 92-93].

Великая война изменила судьбу всей Европы. Как отмечал О. Шпенглер, «история государств – это история войн» [4. С. 85]. Как отмечал германский исследователь Антон Мирка Коктанек, «Первая мировая война была для Шпенглера страхом. Она также была для него надеждой, и надежда была больше, чем страх» [6. S. 166]. О. Шпенглер заключал, что «мы вступили в эпоху мировых войн» [1. С. 28, 36]. Мировая война стала формой не только межгосударственного противостояния, но и конфликта культур, противостояния английского и немецкого духа. Он видел отражение национального духа в духовно-исторических типах, соответственно «духа викингов» и «духа монашеских орденов». Подчеркивая индивидуализм предпринимательства английского духа, он противопоставлял ему дух немецкого рыцарства, который был отражением государственных ценностей Германии. Он опирался на идею службы и долга, следование пути монашеского рыцарства. «Немецкий, точнее прусский инстинкт, говорил: власть принадлежит целому. Отдельное лицо ему служит. Целое суверенно. Король только первый слуга своего государства (Фридрих Великий). Каждому отводится предназначенное ему место. Приказывают и повинуются» [4. С. 26]. Английский и прусский дух сформировали два нравственных принципа, выразившихся в индивидуализме и социализме. В основе первого лежала «ответственность за свои действия, самоопределение, решительность, инициатива»; второй же опирался на «верность, дисциплина, самоотверженность, самоотречение, самовоспитание» [4. С. 51-52].

Прусский социализм представлял собой взаимосвязь прусского духа и социалистического образа мышления. В отличие от Маркса, О. Шпенглер не воспринимая социализм как производное экономических противоречий буржуазного общества. Марксистский интернационализм был фантомом, разрушенным в августе 1914 г., когда родился истинный социализм, немецкий по духу и национальный по характеру. Прусский социализм видел ему антилиберальным и антимарксистским, ориентированным против индивидуализма и интернационализма. Таким образом, он выступал социализмом государства, а не класса. Этика прусского социализма основывалась на идеи долга. «Прусская социалистическая этика учит, что в жизни дело не в счастье, а в исполнении своего долга, в труде» [4. С. 67].

Выделяя характерные особенности прусской идеи, О. Шпенглер отмечал, что «в Пруссии демократия не могла означать личную свободу, совпадающую с неудержимостью в делах и необходимо приводящую к политике частных лиц, над которой государство служит орудием. Если идея рыцарских орденов «все за всех» приобрела современный характер, то она состояла не в образовании партий, которые низшим слоям народа предоставляли право путем выборов раз в несколько лет голосовать за назначаемых ими кандидатов или вовсе не голосовать, в то время как они наверху в качестве оппозиции вмешивались в работу правительства. Современным воплощением орденской идеи, напротив, явился принцип, по которому каждому отдельному лицу на основании его практических, нравственных и духовных дарований

предоставляется право в определенной мере повелевать и повиноваться; ранг и следовательно степень ответственности здесь вполне соразмерны с личностью и, как должность, постоянно сменяются, это и есть «советская система», как ее сто лет тому назад проектировал барон фон Штейн, - истинно прусская идея, которая зиждется на основе отбора, коллективной ответственности и коллегиальности» [4. С. 96-97]. Истинный вождизм немецкого народа может быть только народным по своей природе. «Появись хоть один выдающийся человек из недр народа, и весь народ последовал бы за ним», - писал О. Шпенглер [4. С. 22]. О. Шпенглер вписал вопросы политического руководства в проблематику культуры. Определяя величие политического деятеля, он отмечал, что «великим человеком является тот, кто постигает дух своего времени; в его лице этот дух воплощается в живое существо. Великий человек является не с тем, чтобы уничтожить этот дух, но чтобы воплотить его» [4. С. 35]. Фактически О. Шпенглер в вопросе преодоления культурного кризиса возлагал надежду на лидера, вышедшего из народа, стремящегося к восстановлению традиционной системы, достигавшего некое «упоение, связанное с тоном чести и рыцарственности, внутреннего аристократизма, самоотверженности и долга» [3. С. 495]. Проводя историческую параллель, он называл это цезаризмом, который «растет на почве демократии, однако его корни глубоко погружаются в основания крови и традиции. <...> Появление цезаризма сокрушает диктатуру денег и ее политическое оружие – демократию» [4. С. 495, 538]. Как отмечал германский исследователь Д. Фелькен, «только пруссачество и социализм Шпенглера поставило этос прусского государства в основу размышлений и разрешило его из исторической действительности. В идеологической дискуссии послевоенных лет создана книга, идея прусского контрвеймара» [5. S. 107].

Цезаризм, объединенный с концепцией прусского социализма рассматривался как альтернатива веймарскому порядку, возникшему из хаоса революции 1918 г., которую он называл «революцией глупости», которую совершил «негодный сброд во главе с отбросами интеллигенции <...> Истинный социализм, проявившейся в августе 1914 г., здесь был предан в то время, когда он сражался в последней схватке на фронте или лежал в братских могилах, в которых была погребена половина поколения Европы» [4. С. 17]. Веймарская демократия представлялась ему диктатурой партийных вождей, и германская революция больше напоминала хаос власти, чем какой-либо порядок. В радикальных выражениях О. Шпенглер сравнивал революцию с «сумасшедшим домом». Социал-демократические политики «внезапно обрели власть, к которой стремились в течение сорока лет, и приняли её как несчастье» [4. С. 19-20]. Можно сделать вывод о том, что О. Шпенглер оценивал германскую революцию 1918 г. и утвердившуюся в результате её Веймарскую республику как разрыв в истории германского государства. Революция отличалась от последовательности национальных подъемов, происходивших в Германии в ходе войны с Наполеоном в 1813 г., объединении Германии «железом и кровью» в 1870 г. и национального воодушевления в связи с началом Великой войны в 1914 г.. Поэтому надежда, которую О. Шпенглер связывал с будущим германского государства, была направлена на преодоление Веймарской республики и восстановление разрыва германской истории. Можно заключить, что это было обусловлено монархизмом О. Шпенглера, который в годы республики претерпел изменение вследствие воздействия на него националистического антилиберального движения.

Критическая оценка О. Шпенглера веймарской система давала ему возможность сформулировать концепцию прусского социализма как альтернативы либеральной модели веймарского государственного порядка. Партийная система могла быть преодолена формой цезаристской диктатуры, которая заменит демократическую систему германским национальным государством.

Библиографический список:

1. Шпенглер О. Годы решений. / Пер. с нем. – М., 2006.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории.1. Гештальт и действительность. / Пер. с нем. – М., 1993.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории.2. Всемирно-исторические перспективы. /Пер. с нем. – М., 1998.
4. Шпенглер О. Пруссачество и социализм/Пер. с нем. – М., 2002.
5. Felken D. Oswald Spengler: konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. - München, 1988.
6. Kocktanek A.M. Oswald Spengler in seiner Zeit. – München, 1968.

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия); e-mail: artamoshinsv@mail.ru

УДК 94(73)"1783/2023"

В. В. Прилуцкий

КОНЦЕПЦИЯ «АМЕРИКА – АНТИ-ИМПЕРИЯ» В КНИГЕ А. Г. ДУГИНА «БЫТИЕ И ИМПЕРИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ЭСХАТОЛОГИЯ ВСЕЛЕНСКОГО ЦАРСТВА»

Аннотация: В статье рассмотрены представления А.Г. Дугина об Америке и ее роли во всемирной истории, содержащиеся в его книге. Дугин изучил идеологические основы англосаксонских империй – Великобритании и США, дал свою периодизацию истории «Американской Анти-Империи», являющейся во многом «классической талассократией». По его мнению, США – это «десакрализованная империя», существование которой означает наступление «последних времен».

Ключевые слова: империи во всемирной истории, феномен империи, США – глобальная империя, идеология в США, религия в США, А.Г. Дугин.

Prilutsky V.V. The concept of «America – Anti-Empire» in the book by A.G. Dugin «Genesis and Empire. Ontology and Eschatology of the Universal Kingdom».

Abstract: The article examines A.G. Dugin's ideas about America and its role in world history, contained in his book. Dugin studied the ideological foundations of the Anglo-Saxon empires – Great Britain and the United States, and gave his own periodization of the history of the "American Anti-Empire," which is in many ways a "classical thalassocracy." In his opinion, the United States is a "desacralized empire", the existence of which means the onset of the "the last days".

Keywords: empires in world history, the phenomenon of empire, the USA – a global empire, ideology in the USA, religion in the USA, A.G. Dugin.

Александр Дугин

БЫТИЕ И ИМПЕРИЯ

ОНТОЛОГИЯ И ЭСХАТОЛОГИЯ
ВСЕЛЕНСКОГО ЦАРСТВА

Значительная по объему книга (почти 800 стр.) российского философа, политолога, социолога Александра Гельевича Дугина (род. 1962) посвящена феномену империй и их роли в историческом процессе. В работе показана история и типология империй, начиная от Шумера и Аккада и заканчивая современной «новой Римской империей» – Америкой. Основное внимание автора сконцентрировано на истории идей и идеологий в контексте возникновения и эволюции великих держав – империй и подобных им государственных образований. Тема исследования остается популярной в последние годы в отечественной публицистике и политической науке [2; 9]. Дугин считает «истинной» только империю с «сакральным монархом» во главе [4, с. 616-617]. Последние империи подобного типа – это Российская и Австро-Венгерская, погибшие соответственно в 1917 г. и 1918 г. «Империя» в контексте постмодерна является сетевой (а не пространственной) структурой. Эта «империя» отнюдь не противоположна «гражданскому обществу», но практически совпадает с ним. Она основана на абсолютизации либеральных ценностей и принципов, а отнюдь не на архаических системах иерархий. Она продолжает модерн, а не отрицает его, переводя на новый, качественно более высокий уровень, а не предлагает какую-либо альтернативу. Эта «империя» фактически представляет собой синоним глобализации [7].

Последний значительный по объему раздел (часть 5 «Пятая Империя. Симулякры») в книге Дугина «Бытие и Империя» посвящен англосаксам (Британской империи и ее преемнице – США). Это глава 47 «Британская (Анти)Империя» и глава 50 «США как Анти-Империя по преимуществу: империализм, гегемония, глобальная доминация». В книге Дугин выделяет следующие фазы становления американской гегемонии:

1) 1783 г. – середина XIX в. – строительство американского национального государства.
 2) Вторая половина XIX в. – начало XX в. – постепенное формирование США как глобальной мировой силы, переход международной стратегии Америки в стадию глобализма, атлантизма и мировой экспансии.

3) 1917-1924 гг. – выход американского империализма на международную арену, начало страны вовлеченности в европейскую политику, связанную с участием в Первой мировой войне.

4) С 1924 г. – осознанный, последовательный и геополитически концептуализированный атлантизм, представления о «*Pax Americana*» (лат. «американский мир» по аналогии с *Pax Romana* и *Pax Britannica*). *Pax Americana* – это период стабильности и процветания западного мира, связанного с доминированием в нем США в эпоху «холодной войны» (1945-1991 гг.). После 1991 г. мир усложнился, но оставался американоцентричным. Но в начале XXI в. происходили процессы, свидетельствующие о формировании многополярного мира [4, с. 727–729].

«Победа в холодной войне в конце 80-х гг. XX в. делает США центром однополярного мира, в котором Англия занимает второстепенное положение. Тем самым, США полностью перехватывают у Англии ее миссию лидера англосаксонской расы, либерализм, цивилизации Моря, «Нового Карфагена», всемирной «Империи», прогрессивного и промышленного и финансового развитого «человечества» и т.д. Все планы «Общества Избранных», «Круглого Стола», фабианцев, англосаксонских расистов и империалистов всех типов и оттенков, сформированные в Англии, перемещаются в США» [4, с. 739].

В случае с Америкой «мы имеем дело с самой законченной версией того, что является прямой противоположностью Священной Империи». В ней опровергаются и переворачиваются все ее устои, все ее бытие, поскольку «Американская Империя не имеет никакого духовного основания». «У власти в ней находится не просто не Царь Мира, но даже не сакральный монарх или помазанный на Царство Церковью король» [4, с. 720].

Подобная «империя», по Дугину, является отрицанием Катехона и всячески содействует явлению Антикейменоса в мире. Америка осуществляет подобное через «социальный прогресс, уничтожение традиций и тотальную планетарную идеологическую гегемонию, планомерное истребление самобытных народов и культур». В американском обществе мы видим «альянс крайне протестантских сект с рядом эсхатологически ориентированных иудейских сионистских движений (как в эпоху Кромвеля), не просто ожидающих конца старого – традиционного, христианского, сакрального – порядка, но активно содействующих тому, чтобы он как можно скорее наступил». «Американская Империя» – это «наиболее законченная модель «царства глины»», «полная и совершенная Анти-Империя», «прямой и радикальный антипод истинной Империи». Если на первых порах американцы не ощущали себя империей, то впоследствии постепенно они подошли вплотную к тому, чтобы признать самих себя ею. Но с точки зрения Дугина – это «империя наоборот», «перевернутая» империя, «обращенная вершиной не в Небо, а к центру Земли» [4, с. 721].

В философском учении Дугина Антикейменос – это силы Тьмы и зла: Антихрист в христианстве, Дадджал, «Лжец» или «аль-Масих аль-Дадджал в исламе, «эрев рав» («народы великого смешения», описываемые каббалой: Нефилим (или падшие), Гиборим (или герои), Анаким (или великаны), Рефаим (или тени, дословно «врачи», «колдуны») и народ Амеликим), а также Сатана в иудаизме, кали-юга – эпоха правления демона Кали в индуизме, демон иллюзии и смерти Мара – антагонист Будды, Ахриман (Ариман, Ангро-Манью) в зороастризме. В эллинской традиции к архетипу «Антихриста» были близки великаны, титаны, гиганты и другие хтонические чудовища, стремившиеся свергнуть богов. Подобные обратные симметричные существа знают и иные политеистические традиции: в индуизме – это дэвы и асуры, в маздеизме – в обратной пропорции ахуры и дэвы. В германо-скандинавской мифологии небесным асам противостоят хтонические первобытные великаны ётуны (йотуны).

Антикейменос – это гештальт абсолютного врага. Понятие «антикейменос» следует толковать и более свободно. Оно может означать все то, что контекстуально, но при этом обязательно масштабно и убедительно понимается под «противником», «врагом». Причем «главным врагом», фундаментальным, абсолютным – корневым, радикальным, примордиальным. Это прекрасно соотносится с дьяволом, Сатаной, которые в христианской традиции иногда также называются «враг», «вражеская сила», «враг рода человеческого». В этом смысле этот термин применим и, собственно, к Антихристу, и к Дадджалу, и к эрев рав, и к Ахриману, и к демону Кали, и к титанам, и к гигантам, и к иным силам Тьмы, бросающим смертельный вызов людям, религиям, обществам, культурам [3].

Для понимания Катехона обратимся к другим текстам Дугина, в которых он разъясняет данное понятие. Богословский и религиозно-политический термин «катехон» (от греч. *κατέχων* – «удерживающий») и связанная с ним «катехоническая концепция», основаны на христианской эсхатологии и означают исторический субъект, как правило, определенное государство, имеющее миссию препятствовать окончательному торжеству зла, приходу Антихриста и отдалить наступление конца света. Упоминание об «удерживающем» имеется в тексте Нового Завета. Православные монархисты отождествляют «катехон» с Византийской империей – «Новым Римом» и сменившей ее Святой Русью и Российской империей (концепция старца Филофея «Москва – Третий Рим»). Данное православное эсхатологическое мессианство предполагало особую роль православного правителя (царя, императора), который мыслился также в роли «катехона». Дугин поддерживает подобные идеи, утверждая, что «русское мессианство восходит к XV веку, т.е. к тому моменту, когда последней могущественной православной державой осталась только Святая Русь, и в соответствии с православным учением о симфонии русский народ и русский царь переняли от Византии призвание «служить

преградой приходу сына погибели». «При этом акцентируется именно факт полноценной православной государственности с православным Патриархом и православным Царем во главе, причем государственности, не зависящей ни геополитически, ни духовно, ни культурно от каких бы то ни было внешних факторов. Такая избранность и есть эсхатологическое мессианство».

Следует отличать эсхатологическую функцию последней православной империи, «катехона», «держашего» из «2-го послания св. апостола Павла к Фессолоникийцам», от хилиазма, т.е. идеи «тысячелетнего царства», которое, согласно иудаистической доктрине, должно наступить в будущем. На самом деле, Православная Церковь учит, что «тысячелетнее царство» уже осуществилось после прихода Иисуса Христа в Византийской Империи... Падение Византии было концом «Тысячелетнего царства», и лишь православная Россия, переняв эту миссию от Нового Рима, стала на некоторое время оплотом ортодоксии в мире всеобщего отступничества. Святая Русь (Третий Рим) была как бы чудесным продлением «тысячелетнего царства», но отнюдь не в его расцвете или начале, а, в некотором смысле, после его конца, как его парадоксальное сохранение на особой богоизбранной, провиденциальной территории, в геополитическом ковчеге» [5].

Изъятие Катехона-Императора от среды ... есть признак и одновременно механизм прихода Антихриста. В иных терминах так осуществляется переход от традиционного общества ... – к обществу посттрадиционному. Этим начинается финальная эпоха подмен... Но даже те христиане, которые толкуют пассаж о Катехоне не политически, но метафорически, мыслят приблизительно также структурно. «Удерживающий» у них приобретает обобщенный смысл «благочестия», «святости», которые уходят из общества» [3]. Катехон – это Третий Рим. «Это прежде всего Православие, сакральные ценности и высокий идеал Империи, наделенной катехонической функцией, которую и следует рассматривать как оплот для противостояния хаосу. Чтобы противостоять могуществу хаоса по-настоящему эффективно, необходимо полномасштабное духовное пробуждение, глубинное преображение и возрождение духовных основ, принципов и приоритетов сакрального порядка. Россия должна стремительно утвердить в самой себе начала священного катехонического уклада, что и было заложено в XV веке в преемственности византийского наследия и в провозглашении Москвы Третьим Римом» [6].

На современном этапе крайние американские атлантисты-неоконсерваторы выдвинули «Проект Нового Американского Века». В данном проекте США должны были стать постмодернистской планетарной сетевой империей – авангардом всей западной цивилизации, стремящейся к наступлению «эры глобального Запада» [4, с. 753–757]. Основными задачами в данном проекте являются следующие:

- 1) укрепление единоличной доминации США как открытого мирового «благого» гегемона;
- 2) добровольное или принудительное прямое подчинение американским интересам всех мировых игроков;
- 3) организация мира по американским правилам с углубленной «демократизацией, либерализацией и интернационализацией» всех стран и обществ;
- 4) создание единого мирового рынка, выстроенного по модели американской финансовой системы с доминацией контролируемых США институтов (ВТО, МВФ, Всемирный банк и др.);
- 5) активная борьба с традиционным обществом и особенно исламским фундаментализмом;
- 6) подчинение России, предотвращение возникновения у нее «имперских амбиций» [4, с. 755].

Несмотря на то, что американская идеология строилась изначально на отрицании империи, неоконсерваторы выдвинули тезис, что США – это либеральная империя, прогрессивная и способствующая всеобщей модернизации, «империя добра». Америка – наследница Британской империи и подобных ей держав ранних эпох вплоть до Карфагена [4, с. 719].

США – это особая форма политической и идеологической гегемонии глобального масштаба, противостоявшая всем историческим империям. Америка связана с еще более секулярным и материалистическим развитием системы глобальной доминации, которую представляла Британская империя периода 1850-1930 гг. Характерными признаками такой планетарной системы господства являются:

- 1) большое количество контролируемых, зависимых территорий, колоний и сателлитов;
- 2) наличие единой идеологии, воплощенной в культуре, политике и праве;
- 3) существование единой информационной сети;
- 4) высокий уровень контроля над элитами в других странах мира;
- 5) унификация религиозных представлений;
- 6) единообразная система образования;
- 7) распространение унифицированных технологий;
- 8) внедрение в глобальном масштабе единой морали;
- 9) универсализация культуры, языка, форм общения, приведение их к единому типу;
- 10) более высокий уровень экономического развития метрополии в сравнении с колониями и другими государствами;
- 11) единообразные механизмы торговли и рынка;
- 12) высокий уровень самосознания имперской и колониальной элиты [4, с. 715–716, 738–641].

С точки зрения Дугина подобные критерии не имеют отношения к «полноценной империи» или «сакральной монархии», но они встречаются в истории. Как правило, данные державы сочетали в себе морское господство с могуществом финансовой олигархии. Он указывал на то, что в истории были известны следующие империи подобного типа: Карфаген, Финикия, Афинская гегемония (Афинский морской союз 478-404 гг. до н.э., трансформировавшийся в Афинскую империю, возродившийся и продолживший существование в 378-355 гг. до н.э.), Венеция, Генуя, Голландия. От себя добавим также такие великие морские державы в истории человечества, как Минойская талассократия или Минойская цивилизация (минойский Крит), Византийская империя периода династии Исауров (VIII в.), Португалия, Великобритания, Испания.

Помимо геополитики и доктрины атлантизма (известных концепций адмирала Альфреда Тайера Мэхэна (1840-1914), Роберта Штраус-Гупе (1903-2002), Джеймса Бернхэма (1905-1987), Збигнева Бжезинского (1928-2017) и др.) в основе идеологии американской «анти-империи» находились: диспенсационализм (англосаксонский хилиазм), британский израилизм и протестантский фундаментализм. Рассмотрим каждый из компонентов современной американской идеологии подробнее.

Диспенсационализм – учение в протестантизме, сформулированное в начале 1830-х гг. англо-ирландским священником и теологом Джоном Нельсоном Дарби (1800-1882). Диспенсационалистская теология нашла распространение не только среди дарбистов (плимутских братьев или бретренов), которых насчитывается в странах Запада до 2,4 млн. чел., но и среди других протестантских деноминаций. В XIX-XX вв. диспенсационализм оказался весьма популярен в американском евангелизме (среди баптистов, пятидесятников, харизматов, христианских фундаменталистов, а также членов быстро растущих по численности

внеконфессиональных «библейских церквей»). Диспенсационалисты делят всемирную историю на 7 циклов (диспенсаций):

- 1) От сотворения мира до изгнания Адама и Евы из рая.
- 2) Древнее человечество от Адама, Евы, Каина до Всемирного Потопа.
- 3) От Потопа и Вавилонского столпотворения до Содома и Гоморры (от Ноя до Авраама).
- 4) Эпоха ветхозаветных патриархов (от Авраама, Исаака, Иакова до Моисея и Исхода).
- 5) История ветхозаветного Израиля и древнего иудаизма (от Моисея и получения Закона до прихода и распятия Иисуса Христа).
- 6) Эпоха существования и деятельности христианской церкви, собравшей в себя народы, не являвшиеся иудеями – бывших язычников (период в истории человечества от искупительной жертвы Христа до второго пришествия).

Последняя диспенсация, связанная с эсхатологической эпохой – миллениумом, хилиазмом (от Второго Пришествия до окончания «тысячелетнего царства» Христа на Земле, Страшного суда и сокрушения Сатаны). При этом Второе Пришествие Христа, по мнению большинства диспенсационалистов должно произойти до Тысячелетнего Царствования (премиллениаризм). Некоторые течения в диспенсационализме полагают, что оно случится после Второго Пришествия – в конце седьмой диспенсации (постмиллениаризм) [4, с. 721–723].

Подобная трактовка священной истории, связанная с протестантской мистикой, мало чем отличается от традиционного общехристианского понимания священной истории и эсхатологии, но имеет и некоторые отличия. «Тысячелетние царствие» переносится в данной циклологии в будущее, в отличие от представлений ряда православных теологов, связывавших его с прошлым – с периодом существования Византийской империи. Диспенсационализм Дарби в США получил широчайшее распространение и значительно повлиял на современную американскую идеологию.

Диспенсационализм идеологически тесно связан с протестантским фундаментализмом. Протестантский фундаментализм – движение, считающее единственным основанием (фундаментом) истинной спасающей веры буквальное понимание Библии. Из этой установки следует неприятие любых форм христианского модернизма. Фундаментализм стал проявлением реакции консервативной, протестантской по вероисповеданию, части общества на развитие идеологии либерализма.

Организационные структуры протестантского фундаментализма впервые возникли в США как регулярные «Ниагарские Библейские конференции» (ежегодные с 1875 г. по 1897 г. за исключением 1884 г.). Они проводились с 1883 г. в отеле г. Ниагара-он-те-Лейк в канадской провинции Онтарио [1, с. 64–65]. Официально конференции назывались «Собрание верующих для изучения Библии». Организаторами конференции выступили американские консервативные евангелические пасторы – преимущественно диспенсационалисты и премиллиаристы во главе с пресвитерианским священником Джеймсом Х. Бруксом. Диспенсационализм нашел отражение в принятых ими в 1878 г. и 1890 г. символах веры. На ниагарской конференции 1895 г. были приняты пять основополагающих начал христианской веры, которые составили фундаменталистскую доктрину: 1) богодухновенность и непогрешимость Священного Писания; 2) божественная природа Иисуса Христа и его непорочное зачатие; 3) «искупление замещением» – вера, что крестная жертва Христа заменила собой грешников; 4) физическое воскресение Христа; 5) второе пришествие Христа во плоти. Безоговорочное принятие этих положений вероучения объявлялось единственным способом правильного понимания Библии.

Все рационалистические, исторические и филологические интерпретации текстов Священного Писания отвергались [10].

Британский израилизм (англо-израилизм) – параллельное течение в протестантской мысли, но все же тесно связанное с американским вариантом диспенсационализма. Британский израилизм основывался на псевдонаучных, псевдолингвистических и псевдоисторических теориях, утверждавших, что народы Северной Европы и, в первую очередь, англосаксы (потомки германцев и кельтов) представляют собой прямых потомков древних евреев. Речь шла о Десяти потерянных коленах (племенах) Израиля, не вернувшихся из «Вавилонского плена». На этом основании делается вывод, что англичане и американцы являются «избранными народами» в силу своего особого этнического происхождения. Следовательно, именно к ним обращены все пророчества относительно судьбы Израиля в последние времена, содержащиеся в Библии [4, с. 723–725]. В Десяти потерянных племенах Израиля видели древний народ киммерийцев на том основании, что было сходство в звучании этнонимов с кельтами и германцами. Самоназвание кельтов – Сумгу. Переходным элементом в построениях теоретиков – сторонников англо-израилизма были скифы, обитавшие в причерноморских степях, откуда в Анатолию вторглись исторические киммерийцы [4, с. 724].

Также к этим представлениям добавляется идея о прямом наследовании английского королевского дома линии древнееврейских царей вплоть до царя Давида. По смыслу данная теория впрямую примыкает к концепции «Пятой монархии», возникшей в эпоху Кромвеля. Известно, что в период Английской революции 1640-1660 гг. британская радикальная секта милленариев (хилиастов), известных как «люди Пятой монархии (люди Пятого царства, англ. Fifth Monarchists)» пыталась поднять восстания сельской и городской бедноты с целью наступления «тысячелетнего царства Христа». В учении милленариев четыре «земных царства» (Ассирийское, Вавилонское, Персидское, Греческое, Римское, под которым понималась Европа эпохи Средних веков) должны были смениться «Пятой монархией» – «царством Христа», в котором произойдет торжество всеобщего равенства и справедливости [4, с. 665–671]. В окружении Кромвеля также были сторонники данного учения из числа крайних протестантов-пуритан, близких по идеям к анабаптистам. Они полагали, что конец света наступит в 1666 г., когда должно пасть «земное царство» – католический Рим (антиримское, антилатинское и антиимперское мессианство). «Пятая Монархия» («Царство Христа») разрывала с монархической традицией, с «традиционной монархией», с католическим христианством и отвергала все сословные институты Средневековья. При этом сторонники «Пятой Монархии» осознавали близость своих представлений к иудейской эсхатологии и считали пуритан-англосаксов «избранным народом». Они также были одними из первых мыслителей, сформулировавших некоторые постулаты британского израилизма [4, с. 724]. Одним из подобных авторов был личный секретарь Кромвеля, политический деятель, реформатор, ученый, философ, милленарий Джон Сэдлер (1615-1674). Он опубликовал в 1649 г. книгу «Право на царство», в которой изложил свою доктрину англо-израилизма.

Наиболее ярким проповедником англо-израилизма и диспенсационализма в США в начале XX в. был конгрегационалистский проповедник Сайрус Ингерсон Скоуфилд (1843-1921). Его главным богословским трудом являлись комментарии к Библии, вышедшие в свет в издательстве Оксфордского университета в 1909 г. («Толковая (Справочная) Библия Скоуфилда»). Книга являлась учебником и была пронизана идеями диспенсационализма, фундаментализма, христианского сионизма и футурологии. «Библия Скоуфилда» приобрела огромную популярность среди американских протестантов, неоднократно переиздавалась в XX в. и выходила большими тиражами в англоязычных странах. Дугин отмечал, что в ней диспенсационалистские трактовки библейских пророчеств, этнических соответствий и пояснения об их

применении к актуальным событиям новейшей истории помещены непосредственно в текст Священного Писания. Так, в книге описывается миссия американского народа и его противостояние с враждебными нациями, излагается теория восстановления государства Израиль и его будущая борьба с Гогом, рассказывается о помощи евреям «дважды рожденными» евангельскими христианами – американцами, в результате чего произойдет Второе Пришествие. Дугин делает вывод: «такой текст представляет собой контаминацию Священного Писания политическим и геополитическим анализом, построенном на принципах радикального американоцентричного (англосаксонского) национализма и империализма». Таким образом, англо-израилизм смыкался с диспенсационализмом, создавая общую канву для трактовки актуальных событий через призму эсхатологических представлений. Выстраивалась англоцентричная картина прошлой, современной и будущей истории мира, главным субъектом которой становились англосаксы, наделяемые центральной, мессианской ролью. При этом интересы англосаксов отождествлялись с интересами всего человечества [4, с. 725–726].

Проповедники-протестанты, приверженцы англо-израилизма и диспенсационализма, часто отождествляли таинственный библейский народ Гог, который должен напасть с «севера» на Израиль, с Россией и ее союзниками на Востоке и в Азии (возможно, арабами, иранцами и др.). При этом они ссылались на пророчества Иезекииля в Ветхом Завете: «И было ко мне слово Господне: сын человеческий! обрати лицо твоё к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеха и Фувала, и изреки на него пророчество и скажи: так говорит Господь Бог: вот, Я – на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну тебя, и вложу удила в челюсти твои, и выведу тебя и всё войско твоё, коней и всадников, всех в полном вооружении, большое полчище, в бронях и со щитами, всех, вооружённых мечами, Персов, Ефиоплян и Ливийцев с ними, всех со щитами и в шлемах, Гомера со всеми отрядами его, дом Фогарма, от пределов севера, со всеми отрядами его, многие народы с тобою. Готовься и снаряжайся, ты и все полчища твои, собравшиеся к тебе, и будь им вождём. После многих дней ты понадобишься; в последние годы ты придёшь в землю, избавленную от меча, собранную из многих народов, на горы Израилевы... И поднимешься, как буря, пойдёшь, как туча, чтобы покрыть землю, ты и все полчища твои и многие народы с тобою. И поднимешься на народ Мой, на Израиля, как туча, чтобы покрыть землю: это будет в последние дни, и Я приведу тебя на землю Мою, чтобы народы узнали Меня, когда Я над тобою, Гог, явлю святость Мою пред глазами их. Ты же, сын человеческий, изреки пророчество на Гога и скажи: так говорит Господь Бог: вот, Я – на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну тебя, и поведу тебя, и выведу тебя от краёв севера, и приведу тебя на горы Израилевы. И выбью лук твой из левой руки твоей, и выброшу стрелы твои из правой руки твоей. Падёшь ты на горах Израилевых, ты и все полки твои, и народы, которые с тобою; отдам тебя на съедение всякого рода хищным птицам и зверям полевым» [9] и т.д.

Дугин, подводя итоги в конце своей книги, утверждает о том, что в наши дни «на часах Империи последнее время». «По всем параметрам, критериям, признакам и характеристикам» глобальная «Империя наоборот», «Анти-Империя» Запада является именно тем, чего «с тревогой ожидали все Имперские традиции – это полное торжество глины, разъедающей железо ног колосса, временный триумф Антикейменоса, цивилизация Антихриста». «Разрушив традиционную священную Империю, сын погибели создает руками сектантов, прогрессистов, модернистов и носителей фатальной и ложной идеологии прогресса, Анти-Империю. Ее основанием является англосаксонский мир, британский, а затем североамериканский империализм, а идеологией – глобальный либерализм» [4, с. 761]. Дугин утверждает, что «во всех контекстах и во всех религиях» мы живем в последние времена, описанные в Библии. Об этом пророчествовал святой апостол Павел: «... ибо день тот не придет, доколе не придет прежде

отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» [11]. Дугин пишет: «Вначале падет традиционная Империя, Катехон, защитник священного порядка... Через какое-то время незаметное ранее главное действующее лицо эсхатологического сегмента истории, Антикейменос, начинает открыто показывать свое собственное лицо... На месте священной Империи устанавливается диктатура Антихриста, а затем происходит момент его прямой коронации» [4, с. 762].

Таким образом, в книге Дугина представлена религиозно-мистическая интерпретация исторического процесса. По мнению автора, само существование «американской империи» свидетельствует о «последних временах» перед приходом Антихриста. Если не касаться мистических и религиозно-эсхатологических представлений автора, то следует признать, что в целом рассуждения его объективны и не противоречат исторической науке. Замечания автора о природе глобальной «американской империи» заслуживают особого внимания.

Библиографический список

1. Аринин Е.И. Эволюция религии в современном мире (протестантский фундаментализм). Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2006. – 120 с.
2. Бабурин С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. М.: Магистр: Инфра-М, 2010. – 829 с.
3. Дугин А.Г. Антикейменос. Онтология и опыт «Радикального Антихриста»: семантический, религиозно-социологический, политологический аспекты (2021). URL: <https://katehon.com/ru/article/antikeymenos?ysclid=maikpg1ov6234452964> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Дугин А.Г. Бытие и Империя. Онтология и эсхатология Вселенского Царства. М.: АСТ, 2023. – 784 с.
5. Дугин А.Г. Катехон и революция (2003). URL: <https://kprf.ru/personal/dugin/ideas/19528.html?ysclid=majnyd7rdd431233802> (дата обращения: 21.05.2025).
6. Дугин А.Г. Краткая история Хаоса. Часть V. Катехонический порядок (2022). URL: <https://izborsk-club.ru/23685> (дата обращения: 23.05.2025).
7. Дугин А.Г. Политическая география постмодерна (2010). URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/geopolitika/150910195354.xhtml> (дата обращения: 19.05.2025).
8. Иезекииль 38: 1–9, 39: 1–4
9. Малофеев К.В. Империя. В 3 тт. М.: АСТ, 2022.
10. Фундаментализм протестантский. URL: https://summa.rhga.ru/edin/inst/detail.php?rraz=&ELEMENT_ID=5360 (дата обращения: 22.05.2025).
11. 2-е Фессалоникийцам. 2:3–4

Сведения об авторах:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), e-mail: bgu.fiimo.kafedra29@yandex.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru